

ПРОЕКТ ФОРМАТА ТАПОСВЕТ

БИТВА ЗА ЛУКОЖОРЬС I

РОМАН ПАПСУЕВ

ВЕРА КАМША

ТАТЬЯНА АНДРУЩЕНКО

АЛЕКСАНДРА ЗЛОТНИЦКАЯ

ЕЛЕНА ТОЛОКОННИКОВА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Б66

Рисунки *Романа Папсуева*
Литературный редактор *Вера Камша*

Битва за Лукоморье. Книга I / Роман Папсуев, Вера Камша,
Б66 и др. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Новые сказки Старой
Руси).

ISBN 978-5-04-118413-1

Могуче и необъятно Мировое Древо Карколист. Великое разнообразие миров, больших и малых, темных и светлых, вплетено в его ветви.

И один из них — Белосветье. Срединный и древний мир, полный дивных чудес.

Раскинулась в нем привольно земля богатая — Славия, посреди нее — великая Русь, а вокруг — царства-королевства Золотой Цепи, именуемые в народе тридевятьями.

Да вот беда — сгущаются над мирной и благополучной Славией тучи, собирается в темных лесах кровожадная нечисть, а коварный враг уже замыслил войну...

Уникальный проект «Сказки Старой Руси», созданный в 2015 году художником и писателем Романом Папсуевым, основан на славянском фольклоре, русских народных сказках и былинном эпосе. Знакомые с детства герои перемещены в авторскую фэнтези-вселенную, где их ждет немало подвигов и приключений. Яркий, самобытный мир, родные и при этом новые образы — такого вы еще не видели!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118413-1

© Папсуев Р.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Долг 7

Охота на Охотника 21

Милость владыки 74

Премудрые дела 83

Синий камень в рукояти 137

Хлопот полон рот 182

Сила есть, ума не надо? 193

Пять десятков и еще двое 215

Зверь 223

Чужая сторона 282

Дар Иномирья 289

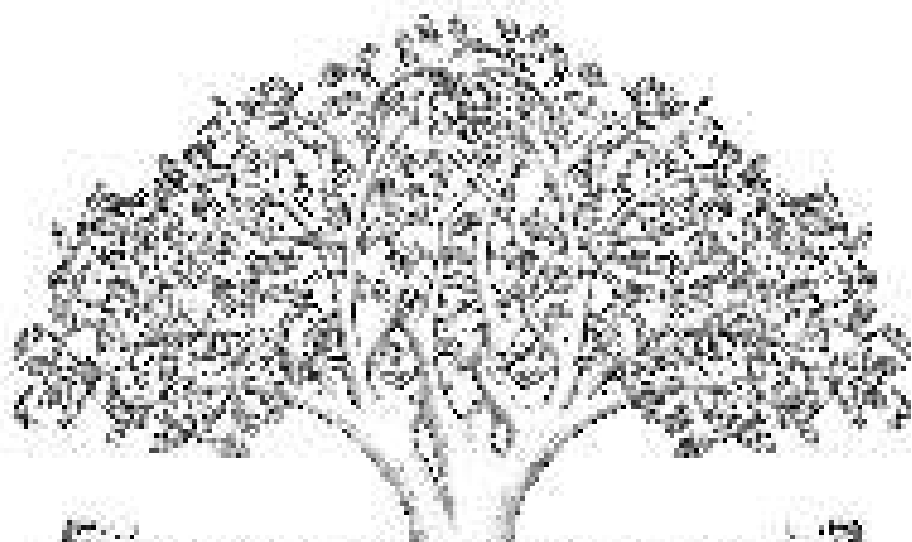
Худовы вести 324

Дивный новый день 331

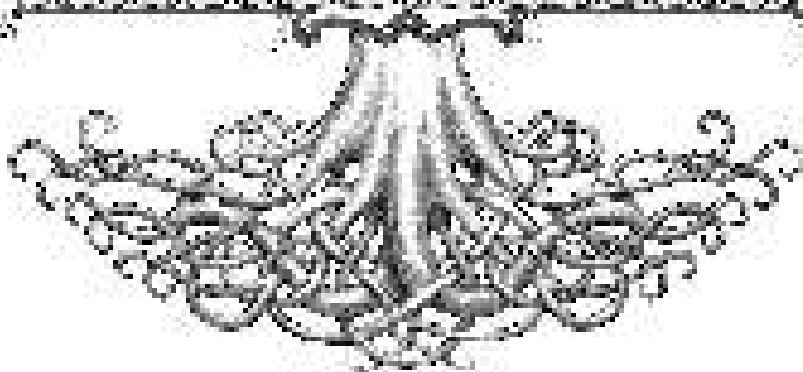
Дополнительные материалы 389

Карты 390

Краткий словарь 394

СКАЗКА ОТ НАЧАЛА НАЧИНАЕТСЯ,
ДО КОНЦА ЧИТАЕТСЯ, В СЕРЕДКЕ
НЕ ПЕРЕБИВАЕТСЯ

ДОЛГ

Ночью ударил первый заморозок, а утром небо огласили звонкие плачущие кличи: это прощались с Русью бережные журавли. Огромные, белоснежные — ни единого черного или хотя бы серого пера — птицы, взлетали с расписанных осенью болот и, выстроившись похожими на наконечники стрел клиньями, неспешно плыли над вековыми лесами, полноводными медленными реками и убранными полями. Люди, заслышав журавлиный плач, отрывались от дел и поднимали взгляд к небесам, желая крылатым путникам сытной зимовки в южных землях и счастливого возвращения по весне. Знающие люди говорят, что бережные журавли несут на своих крыльях тепло... и еще они издали чувствуют черное зло.

Вожак пролетавшего над Гребневым лесом клина, тревожно и коротко крикнув, стал стремительно набирать высоту, одновременно сворачивая с не менявшегося сотни лет пути. Окажись сейчас внизу кто-нибудь знающий и глазастый, он бы тоже поспешил прочь, уходя от неведомого лиха, но следить за встревоженными журавлями было некому. Как и слушать, как кто-то огромный пробивался сквозь чашу — был он невидим, тяжел и быстр, куда быстрее медведей и вепрей, извечных обитателей здешней глухомани. Ох, недаром люди обходили Гребнев лес стороной. Обычные люди... только воинский человек идет, куда пошлют, а знахарь — куда велит долг.

* * *

...Они рухнули одновременно — колдун-злонрав, чьего имени так и не узнали, и знахарь Вежин, но колдун больше не поднялся. Заклятие Вежина, пусть и очень простое, сделало свое дело: отвлекло приспешника Тьмы от ратников, которые не растерялись и не ошиблись. Честной булат пронзил полное вражьей злобы тело, и бой на поляне завершился победой русичей.

Вежин заставил себя разлепить глаза и, опершись о покрытую мягким мхом землю, кое-как уселся. Трое его спутников стояли над убитым и что-то громко и оживленно обсуждали; чуть охрипшие голоса ратников били по раскальвающейся от боли голове, точно кузнечные молоты. Понять, о чем речь, у знахаря не выходило, а лесная поляна с недостроенной избой, нечистым покойником и его победителями медленно кружилась, при этом умудряясь еще и мерцать. Вежин с силой сжал виски руками, и кружение замедлилось, но и не прекратилось... а лежавшая на краю поляны холщовая сумка с зельями казалась недосягаемой, как Ирий.

— Ты чего это, Вежин? — будто камнем из пращи врезалось в горемычную голову. — Никак ранен?!

— Н-нет, — промывчал знахарь в опушенное короткой юной бородкой жизнерадостное лицо. Дрожащее, будто речное отражение в ветреный день. — Н-не ранен...

— Да у тебя лицо всё в крови! — не отставал ратник.

Знахарь вытер лоб и поднес к глазам ладонь. В самом деле, мокрая и красная, будто кожу содрали.

— Это из пор... сочится. Надорвался я малехо, Малобуд.

— Помочь чем? — Подошедший Твердыта, старший над воинами, тоже мог бы говорить потише.

— Сумку мою дайте, — попросил Вежин, — а так... надо мне полежать, подождать... Глядишь, само пройдет.

— Вот и лежи! — отрезал старшой. — Долг свой ты исполнил, можешь и отдохнуть. Если что, пару жердин вырубим, на плащах до твоего Совёлого дотащим. К слову, парни, а ну-ка давайте не сумку к нему, а его — к сумке! Пусть в теньке-прохладе в себя приходит.

Возразить Вежин не успел, да и сил не было. Малобуд со Жданом — ребята шустрые и своего старшего слушали беспрекословно. Ойкнувшего знахаря сграбастали будто какой куль и отволокли на самый край поляны. Прислонили к затесавшемуся меж густых кустов бересклета высокому пню, сунули под руку заветную сумку, а сами вернулись тарашиться на колдуна. Глазеть молодым ратникам было на что — тело поверженного врага съезжилось, усохло и покрылось тонкими складками сморщенной бледно-желтой кожи.

Вежин шмыгнул носом, сглотнул теплую соленую кровь и обтер руки сперва о зеленый пушистый мох, а затем о порты. Больше всего ему хотелось спать. Оно и понятно, сон восстанавливает силы, которых ушло немало: как ни крути, а засевший в чащобе злодей был много опытнее его, молодого знахаря из захолустного села. Никогда не искавший на свою голову приключений Вежин всё больше зубы заговаривал да заплутавших в лесах дурней искал, в бою раньше бывать не доводилось.

Не буди лихо, как говорят... да у лиха сон чуток. В последние годы на Руси нечисть обнаглела, стала лютовать, по слухам, целые деревни изводила, а потому и нагрязнули в Совёлое витязи, прознав про злого чародея. По-умному, нужно было потаскать их по чащобе, наврать, что колдун морок навел и обычному знахарю его ну никак не сыскать. Посылайте, дескать, в Китеж-град за Охотниками, они тем и живут, что нечисть выискивают да истребляют... Только не умел Вежин ни врать, ни отказывать, вот и привел княжьих людей, куда те хотели, а потом еще и в драку ввязался. Хотя тут уж выбирать не приходилось: либо они врага кончают, либо он их.

Когда казавшийся чудовишно-огромным злонрав простер вперед руку, меж пальцами которой проскакивали синие искры, знахарь понял — это смерть. Сам толком не соображая, что творит, Вежин со всей силы шарaxнул по гаду «медвежьим страхом». Заклятие, которым покоен века отгоняют лезущих в овсы косолапых, навредить всерьез не могло, но громыхнуло неслабо, колдун отвлекся, а тут и Твердята с парнями подоспели... Теперь, задним числом, Вежин понимал, что, с перепугу не рассчитав сил, чудом не прикончил сам себя, но сделанного не воротишь, да и обер-

нулось всё в итоге неплохо. Колдун мертв, витязи живы, сам он отлежится, а к завтрашнему вечеру, глядишь, и волшебба вернется.

Знахарь повозился, устраиваясь поудобнее, и, уверившись, что «само не пройдет», принялся дрожащими руками копать в своей сумке. Собираясь утром в лес, Вежин вовремя вспомнил, что «береженого коня и зверь не берет», а потому чего только не набрал в дорогу! Запасливость его теперь и выручит: целебное зелье вернет опустошенному телу хотя бы часть потраченной силы. Отыскать бы только нужную скляницу среди всего этого лекарского добра! Запасливость, чтоб ее... И дрожь эта дурная... Может, на помощь кликнуть?

Вежин покосился на добрых молодцев, что со всем почтением внимали отдававшему очередные указания старшему. Кивнув, Малобуд шагнул было к так и недостроенной колдуном избе, но вдруг замер на месте, ткнув пальцем в сторону леса. Глянул туда и знахарь, да, видать, как-то неловко повернулся: виски славил, перед глазами замельтешили полупрозрачные черви, зато слух не подвел, и Вежин услышал, что с той стороны поляны доносится треск ломаемых сучьев и размеренный тяжкий топот.

Почти успокоившееся сердце бешено заколотилось, знахарь прижал руку к груди и, протерев горемычные глаза, вновь выглянул из-за кустов. С мечами на изготовку, перекинув вперед длинные щиты, ратники уже выстроились плечом к плечу; они явно чего-то ждали. Вежин мог видеть их спины, но не то, что надвигалось из леса — а оно надвигалось, причем быстро.

Кусты бруслины на дальнем конце поляны вздрогнули и раздвинулись, да только за ними никого не оказалось — упругие ветви разошлись сами собой, склонились в сторону избы, потрепетали, сбрасывая рыжие листочки, а потом резко выпрямились, будто кто-то невидимый сквозь них прошел. В пустоте раздался непонятный громкий храп — звук походил одновременно и на конское фырканье, и на рык большого хищного зверя.

Невидимками по своим владениям ходят лесовики¹, а с ними,

¹ Для лучшего понимания текста рекомендуем ознакомиться с кратким словарем в конце книги.

умеючи, договориться всегда можно. Вежин точно бы сумел, только в Гребневой чаше лесные духи не водились, да и чутье знахаря подсказывало — здесь что-то другое, холодное, как могила. Злое. Опасное. Надо бежать, но вычерпанный до дна заклятием знахарь бежать не мог, а воины и не хотели.

Странный звук повторился, что-то глухо стукнуло, и пронизанное солнцем ничто подернулось темной дымкой, поползло пятнами... Мгновение-два — и вот уже на поляне высился громадный вороной конь, необычный и жуткий. Глаза болотными огнями светились в глубоких глазницах, длинная грива ровной волной бежала вниз по могучей шее. Ноги, массивные и крепкие, бугрились мышцами; широкая грудь и крутые бока лоснились, как жиром смазанные, а на них паутиной проступали вздутые вены, по которым пробегали видимые даже сквозь шкуру призрачные огоньки.

Верхом на чудо-коне восседал всадник в черных, под стать своему скакуну, одеждах. Плащ ниспадал с широких плеч, глубокий капюшон скрывал лицо, а руки в перчатках с раструбами почти по локоть держали поводья небрежно и расслабленно. Неужто Охотник?! Услыхали в Китеже про колдуна, вот и прислали... Охотники, они ведь темное носят, да и на дивоконях, случается, ездят... Но нет, не могло от китежанина везть таким злом!

Вороной топнул копытом и оскалился, издав жуткий, не конский да, пожалуй, и не живой, хриплый звук, будто по камню железом проскрежетало. Всадник же спокойно рассматривал открывшуюся ему картину, не шевелясь и даже не пытаясь заговорить.

— Кто таков будешь? — властно спросил Твердыта, перехватывая поудобнее щит. — Назовись!

Вместо ответа незнакомец неторопливо спешился, забросив поводья к короткому тупому рогу на передней луке седла, и небрежно хлопнул коня по шее. Столь же неспешно он направился к ратникам. Полю его просторного и длинного плаща, доходящие почти до щиколоток, мерно качались из стороны в сторону — кажется, они были подбиты красным.

Полумертвый Вежин, нащупав под рубахой Знак защиты души, как мог тихо, лег, почти упал наземь, подтянув к себе драгоцен-

ный мешок. Сидящих смиренно погибель порой милует, да как бы, отсидевшись, на поживу совести не достаться.

— Выходит, — внезапно донеслось из-под капюшона, — припозднился я.

— Это смотря к чему, — голос старшего не сулил гостю ничего хорошего. — Ты что у колдовского логова забыл, чуженин? Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Дело пытаться собирался. Оно под ногами у вас валяется.

Воины недоуменно глянули вниз. О чем это он? О мертвечке, что ль?

— Кривославом его звали, — подтвердил невысказанную догадку чужак, задумчиво разглядывая убитого. — Что ж, осталось разве что должок забрать... При нем нету, значит, в избе искать придется. Дайте-ка пройти.

— Экий ты шустрый, — хмуро попенял Твердыта. — Подождешь.

— Могу и подождать, — равнодушно согласился незнакомец, — мне торопиться некуда.

Он и впрямь все делал неспешно. Неторопливо и слова произнес, и капюшон за спину отбросил. Ратники невольно отшатнулись, и было с чего.

Хищное лицо незнакомца казалось восковым. Длинные черные волосы, зачесанные назад, не скрывали проступавших под кожей ребристых выростов на лбу и скулах. На впалых щеках и безволосом остром подбородке красовались алые наколки в виде злых рун, а в правой ноздре поблескивала небольшая, украшенная самоцветом серьга. Темно-красные глаза смотрели холодно и безучастно.

— Упырь, что ли? — словно не веря своим глазам, пробормотал старший. — Они ж Отца-Солнца боятся!

Упырь поправил перчатки и почти добродушно произнес:

— Вот что, русичи. Мне с вами делить нечего. Ступайте своей дорогой, а я своей поеду... только должок заберу.

— Обойдешься, нечисть, — резко бросил Твердыта. — И сам с этой поляны не уйдешь!

Ратники сомкнули щиты, а красноглазый едва заметно усмехнулся и потащил из скрытых под плащом ножен длинный меч.

Крутанул им, разминая запястье, и спокойно пошел по кругу, обходя противников. Час от часу не легче!

Пугающие рассказы о еретниках, непревзойденных упырях-мечниках, передавались из уст в уста много веков; ими страшили не только детей, но и молодых дружинников. С таким противником никакому знахарю не совладать, а вот воинам порой удавалось. Тут, главное, хотя бы раз зацепить, ведь булат нечисть ох как не любит! А были у княжьих витязей еще и броня, и щиты, и стать — по сравнению с рослыми воинами красноглазый выглядел хлипким.

Стояли ратники плечом к плечу, поэтому, когда упырь начал движение, стали поворачиваться за ним ладно, как единое целое, не упуская врага из виду. Того, впрочем, это ничуть не смутило.

— Откуда вы, витязи? — продолжая движение, лениво спросил упырь.

Левой рукой он тронул застежку у шеи, и длинный плащ скользнул на землю. На еретнике не оказалось никакой брони. Только плотный и приталенный длинный черный кафтан, покроем напоминавший халаты южан — с короткими рукавами и длинными, складчатыми полами, что никак не стесняли движения и в ногах не путались. Спереди кафтан украшали кожаные накладки с тускло-золотой вязью, а на груди он был застегнут встык золотыми крючками и дополнительно стянут тремя рядами ремешков. Высокий кроваво-красного цвета воротник выглядывал из-под плотного тканевого оплечья и наполовину скрывал неестественно длинную шею упыря. На широком алом поясе помимо ножен висело странное оружие, которое красноглазый, сняв, взял в левую руку.

Оружие оказалось короткой дубинкой — железной, чуть длиннее локтя¹ и украшенной искусными узорчатыми рельефами. Небольшой, но явно очень тяжелый набалдашник изображал скалящийся клыкастый череп.

¹ Локоть — единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Примерно 50 см.

— Небось с заставы какой? — продолжал допытываться еретник. — Или из города?

— Нам с нечистью разговоры вести не след, — задорно выкрикнул стоявший справа от старшего Малобуда. — Проваливай в Чернояр, к своему хозяину, погань!

— У меня два хозяина, — уточнил упырь, будто сообщая нечто очень важное. — И оба не любят, когда их волю не исполняют.

Обнажив в ухмылке клыки, красноглазый на краткий миг прервал свое движение и указал дубинкой на Малобуда.

— Ваше счастье, что я не голоден. Подарю вам смерть быстро... а вот тела, пожалуй, сохраню. Пусть вы и не богатыри, отваги вам не занимать. Глядишь, угодлаки из вас недурные выйдут. Обучим.

— Щиты выше! — Твердята, как и положено, стоявший посередине, и впрямь не собирався вести долгих разговоров с нечистью. Колдуна Кривослава первым достал именно он, может, и сейчас сдюжит?

Упырь, похоже, тоже решил, что сказал достаточно. Сделав резкое движение вправо-влево и заставив молодых ратников дернуться, он стремительно пошел вперед, держа темный меч перед собой. Пошел широко, будто перекатами, ловко расставляя ноги в высоких сапогах из мягкой кожи, качаясь из стороны в сторону, принуждая воинов гадать, куда же он шагнет в следующий миг.

Когда он приблизился достаточно, витязи разом двинулись навстречу, и Твердята сразу попробовал проткнуть нежить булатным мечом, ударив снизу вверх из-за щита. Старший из ратников понимал, что они наткнулись на страшного противника, но... не понимал, насколько страшного.

Вежину почудилось, будто время потекло густым медом — медленно, позволяя хорошо рассмотреть каждое движение сражающихся.

Вот, отражая удар, красноглазый машет дубинкой, отводя булатный клинок. Бил бы простой человек, рука витязя и не дрогнула бы, но... бил еретник — и сыпанувший искрами меч старшего уводит влево. Туда же, пусть и ненамного, тянет щит,

в правую грань которого уперлось предплечье Твердыты. В стене щитов возникает прорезь, и упырь даром времени не теряет. Его меч совершает змеиный бросок и тут же отлетает назад — острое сумело найти уязвимое место и, царапнув кольчужную бармицу, ударило Малобуда под скулу, пробив голову почти насквозь. Бездыханный ратник падает наземь.

Усмехаясь, упырь ловко отскакивает и, пританцовывая, смахивает с клинка капли горячей крови. Он играет с противниками, забавляется, как кот — с еще живой, но уже обреченной мышью.

— Ах ты тварюга! — рычит Ждан, кидаясь вперед, не слыша отчаянного крика старшего: «Стой!..»

Поздно. Еретник легко уворачивается от широкого молодецкого замаха, дожидается, пока клинок пройдет мимо, и бьет парня дубинкой по шлему. Оглушенный витязь кулем валится в траву, а красноглазый вступает в бой с Твердытой. Ну, Белобог, помоги!..

Чуда не происходит. Двумя ударами разделавшись со старшим, упырь склоняется над оглушенным Жданом. Резким движением перерезает последнему из троих витязей горло, не спеша вытирает лезвие меча о кафтан убитого и выпрямляется. В сторону знахаря он не смотрит, да и откуда ему знать про Вежина? Было трое ратников, теперь они мертвы, остается забрать этот самый должок и отправиться восвояси.

Несчастный знахарь вжался в палую листву. Ночь на поляне мертвецов будет страшной, но придет утро, вернутся хоть какие-то силы... к вечеру он будет на кумовой пасеке, передохнет и решит, как быть дальше.

Мысли путались и мешались с рвущимся из груди стоном, но Вежин лишь сильнее вжимался в лесную землю, не сводя взгляда с упыря. Спрятав в ножны меч и накинув плащ, тот деловито прошелся по поляне, быстро и ловко обыскал мертвецов, но ничего не взял, лишь покачал головой и исчез в избе. Что бы он ни искал, это была передышка, возможность отползти в лес, то есть в жизнь.

Больше Вежин ничего не мог... вернее мог, только это было безумием. Раз уж не стал рисковать, когда Твердыта и его парни были живы, сейчас и вовсе незачем. Деревенский знахарь упырю,

которого само солнце не берет, не соперник. Дашь себя прикончить — о случившемся никто не узнает, а красноглазый и дальше будет разъезжать по Руси и убивать. Справиться с подобной тварью по силам лишь Охотникам, значит, нужно выжить и дать знать в Китеж-град...

Это было правильно и разумно. Собственно, только это разумным и было, но рука Вежина будто по собственной воле скользнула под рубаху и вытащила Знак защиты души, а затем отцепила с пояса знахарский нож-иглу и полезла в сумку — нет, не за целебным зельем, за «полуденным» настоем. Сила надетого при принятии имени Знака, усиленная снадобьем собственная кровь и солнечный свет породят долгое живое пламя, в котором ты сожжешь себя и, если повезет, врага. Главное, успеть выпить настой и сплести заклятие, так что пусть вражина ищет свой должок подольше.

Вежин успел сделать все, что нужно. Дело оставалось лишь за не торопившимся выходить из избы упырем. Последнее в жизни ожидание оказалось мучительней всего, что выпало на долю знахаря в этот жуткий день, но дверь наконец распахнулась. Еретник нашел то, что искал, и это что-то оказалось огромной переплетенной в черную кожу книгой. Вежин слышал о таких: страшное колдовское оружие, средоточия черных знаний, они даруют своим обладателям великую силу. Даже самый завалающий колдун-злонрав, заполучив такую книгу, сравняется с опытными Охотниками, а проклятый упырь и вовсе станет непобедимым.

Допустить этого нельзя. Надо уничтожить и книгу и нечисть разом! Вежин в последний раз взглянул на солнце и теперь сосредоточился на заклятии, в которое вложил все свои невеликие силы. Ясно-алый, в цвет живой крови, луч ударил прямо в черную книгу, и та зашипела, словно живое омерзительное существо.

Не ждавший нападения еретник сперва промешкал, но замешательство его длилось недолго. Накрыв уже начавшую пылать книгу призрачным куполом с сетью лиловых прожилок, он одновременно протянул окутанную пурпурным сиянием руку в сторону кустов, за которыми скрывался знахарь. Алое пламя задохнулось, луч угас, а почти вычерпавшего себя, но все еще живого

Вежина выдернуло из кустов, проволокло по поляне и приложило затылком об угол избы. Это должно было стать концом, но не стало им.

Открыв глаза, скрючившийся от боли Вежин увидел перед собой полы черного плаща — еретник стоял рядом, с досадой разглядывая изрядно опаленную книгу.

— Не пойму, засельщина, — раздраженно произнес он. — То ли ты отважен без меры, то ли просто глуп. Прихлопнуть бы тебя... — Упырь наконец-то опустил взгляд, зловеще блеснули темно-красные глаза. — Да только пригодишься ты мне...

— Будь ты... проклят, нечисть, — выкашлял вместе с кровью Вежин, понимая, что через мгновение станет нечистью сам и ничто его от этой доли не спасет.

— Успокойся, — чуть заметно усмехнулся красноглазый. — В упыря я тебя обращать не буду, зачем? Нужна мне от тебя другая служба, так что слушай внимательно. Покойников закопай прямо здесь, возле избы. Мне их тащить несподручно, пришлю позже младших колдунов, они тела и заберут. А мерзкую сталь богатырскую схорони подальше, да так, чтоб никто и никогда не нашел... Ты сам откуда?

Вежин молчал, исподлобья глядя на еретника. Тот презрительно пожал плечами.

— Из Совёлого, верно? Ближайшее здесь село. Что ж, уясни одно — коли пожелаешь снова в храбреца поиграть, сожжешь тела или спрячешь, я всю твою деревню вырежу. И все деревни в округе заодно. А если исполнишь, что сказано, оставлю в покое — и тебя, и Совёлое твое. Мне в ваших местах делать нечего, получил я всё, что хотел, так что уйду с миром.

Упырь присел на корточки и уперся немигающим кровавым взглядом прямо в глаза знахаря.

— И великодушие мое не забывай, — прошипел он. — Я редко противников в живых оставляю. Считаю, что повезло тебе, поживешь еще... лапотник.

Ответных слов у Вежина не нашлось, но еретник ответа и не ждал. Поднявшись и накинув на голову капюшон, он дважды цокнул языком, подзывая коня. Всю схватку простоявший изва-

Битва за Лукоморье. Книга 1

янием вороной подошел к хозяину и послушно склонил голову, раздувая странно красные ноздри. Вежину осталось лишь угрюмо наблюдать, как упырь, спрятав в переметной суме проклятую книгу, легко запрыгивает в седло.

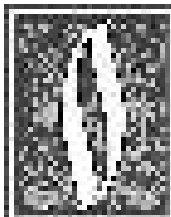
— Пойдем потихоньку, Чернь, — донеслось до знахаря.

По шкуре зверя забежали огоньки, несколько мгновений — и гривастая тварь словно бы растворилась в воздухе вместе со всадником. Раздвинулись и схлестнулись кусты, и над поляной повисла тишина, долгая и нестерпимая. Ее разорвал далекий и звонкий журавлиный клич, и будто в ответ раздался глухой стон знахаря. Оставшись один, Вежин наконец-то позволил себе зарыдать от бессилия и безысходности.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

Очень в Аргуновской долине редко выдается сухой и теплой, но в этом году повезло и местным, и проезжим, и всяческой полевой да лесной живности вроде бесхвостой ящерики, влезшей на оплетенный жгучим босоркиным плющом валун. Маленькое, словно обломанное зеленое существо льнуло к покрытой причудливыми трещинами поверхности и знать на знало, что встречу с ним могут счесть дурной приметой, пусть и не из самых опасных. Ящерицу не заботили человеческие предрассудки, она просто блаженствовала в солнечном пятне, впитывая тепло разогретого камня.

Откуда посреди леса взялся крупный, с хорошего борова, грязно-белый валун, наверняка не знали даже местные старожилы, но торчал он ровнехонько на дорожной развилке, как и положено путевым камням. Картину дополнял одинокий всадник на рослом була-

ном коне, обладавшем столь длинной и густой гривой, что она могла бы сойти за черный атласный плащ. Плащ у незнакомца, впрочем, имелся собственный и не абы какой, а настоящий китежанский распашень. Изначально темный, он успел так запылиться, что выглядел выцветшим, хоть и был новеньким, едва ношенным: полы не истрепались, швы не разошлись, не слишком плотная по летнему времени ткань не протерлась. Низко надвинутый невиданный в здешних краях капюшон бросал глубокую тень на худое дерзкое лицо, защищая глаза от слепящих полуденных лучей. Умело увязанные вьюки, саадак¹ и притороченный к седлу небольшой зачехленный щит выдавали бывалого путешественника и как бы еще не воина.

Застрекотала, словно в насмешку, пронесшаяся над самой головой сплетница-сорока, и конь недовольно фыркнул, досадливо мотнув головой. Ему не нравилось это место и хотелось в поля, где можно скакать и скакать, не рискуя влететь в какой-нибудь буерак или споткнуться о вылезший на дорогу корень. А вот чего хотелось всаднику... он и сам толком не знал. Еще молодой, но уже успевший наворотить дел удалец пятый год пытался взяться за ум и даже взялся, но стоило Китежу с его строгостями кануть в прошлое, как бывшая придурь подняла голову. С искушениями начинающий Охотник боролся честно, но то встречный задира оказывался каким-то хилым, то красна девица обидчивой и не такой уж и красивой, а теперь еще и эта пакость бесхвостая! Расселась на и так истершихся рунах, мол, попробуй прочти!

Проезжий снял висевшую у седла плетть и, чуть привстав в стременах, резким движением сбросил злосчастную ящерицу в бурьян, после чего ворчливо осведомился:

— Дрыхнешь, что ли? А ну просыпайся, дело есть!

Ветерок взметнул теплую пыль и пошевелил листы плюща, но этим дело и кончилось. Путник поморщился. Дорога ему успела надоест, до цели было ехать и ехать, да и сама цель казалась какой-то странной. Пока еще разберешься, а времени в обрез,

¹ Саадак — кожаный или бархатный изукрашенный чехол на лук. Встарь называли так и весь прибор вооружения: лук с налучником и колчан со стрелами.

решил спрямить путь — и вот пожалуйста! Развилка, а этот худой валун либо не желает помнить, зачем здесь поставлен, либо заснул навеки. С дорожными камнями подобное случалось, особенно на заброшенных тропах.

— Эй, — повысил голос наездник, — бульжище путебоё! Только и годишься, что гадов греть да ползучку привечать. Давай, оживай, работу выполняй, Алёше отвечай! Слышишь?

Бульжище услышало.

Из-под темно-зеленых кожистых листьев забрезжил красноватый закатный свет, камень зашевелился, покрутился и неуверенно подпрыгнул, только босоркин плющ держал крепко. Едва оторвавшись от земли, глыба беспомощно дернулась пару раз из стороны в сторону и бухнулась на прежнее место, хорошо хоть свет не угас.

— Утро доброе, морда каменная, — приветствовал Алёша пробудившийся валун. — Ну, отвечай проезжему человеку, как от века велено, куда сворачивать да что на дорогах жлет-поджидает!

Путевой указчик словно бы вздрогнул, сияние сделалось ярче. Оно исходило из прежде казавшихся трещинами узор.

— Человечище, повернул бы ты! — идущий из-под плюща голос, не понять, мужской ли, женский ли, был скрипучим и каким-то пыльным. — Не хочу я говорить, а ты — ехать!

— То мое дело, — прикрикнул и впрямь спешивший Алёша, — а твое — дороге указывать. А ну говори!

— С дурною головою и ногам нету покою, — огрызнулся валун и забубнил чуть ли ни скороговоркой. — Сидел бы ты лучше дома на лавке, чем по полям да долам лиха пытаться. Сгинет конь с таким хозяином, а не сгинет, так отощает. Езжай назад, там кружало¹, проиграй коня, всё цел останется. Пешком пойдешь, недалече уйдешь, за мельницу свернешь, молодку найдешь, накормит, напоит, постель постелет, только как бы муж не воротился, за кнут не схватился, а коня нет, не ускачешь дале...

— Скоморошничать удумал? — перебил не в меру говорливую глыбу Алёша. — Рассказывай про дороги, что стережешь, да не тyani, тороплюсь я.

¹ Кружало (устар.) — питейный дом, кабак.

Камень замолк, будто обиделся, что перебили, но молчание длилось недолго.

— Направо пойдешь, — теперь он завывал, будто дурной скакатель, — три моста пройдешь, коли не потонешь, а за теми мостами холм, а на том холме — дуб, богатырем посаженный, не тебе чета: и кровь погуще, и мозгов поболее. И увидишь ты с холма того, коли ногу не сломишь, пустырь, а посреди него колодец. Коли, воды хлебнувши, чудищем не обернешься, выйдешь к лесу и в том лесу... в том лесу себя потеряешь, если с дороги свернешь...

Вставший задолго до света Алёша невольно зевнул и почесал бровь. Возможные напасти, хоть валун и пытался нагнать на строптивного путника страху, не пугали. Судя по всему, правая дорога всего-то вела к холму, затем к пустырю и к следующему лесу. Понять бы еще, не за тем ли холмом лежало Закурганье, село, в которое Охотник и направлялся, причем не просто так. По словам местных, у них за околицей с весны разгуливало непонятное страшилище. Трехголовое, чешуйчатое и рогатое, оно, плюясь огнем и страшно воя, развалило мост и чудом не уволокло в чашу девку. Кто и куда уволок с полсотни здоровых мужиков, заодно разорив дюжину погостов¹, было неведомо, но разбираться с этим безобразием надлежало Охотнику Китеж-града.

Так, по крайней мере, рассудил узнавший о здешних делах Великий Князь, что и позволило Алёше убраться из ненавистой столицы. И всё бы хорошо, только на выезде из Великограда китежанина догнало второе дело, от которого было не отвертеться. Оставалось ловить сразу двух зайцев, мимоходом слушая валуновы бредни. Жалкие потуги застращать Охотника не столько злили, сколько забавляли, а камень старался, расписывал напасти и ужасы, стерегущие на заурядных проселках.

— ...А коли отважишься налево пойти, знай, что ничего не найдешь. Что там было, то и сплыло, ни села, ни погоста не осталось, одни болота, а в них не ягод горсти, а беды да горести... и там тоже заплутаешь, только кости твои звери разнесут да птицы растащат...

¹ Погост — здесь — кладбище рядом с поселением.

Валун замолчал в некоторой нерешительности, видимо сияясь определить, произвели ли его пророчества впечатление, и если произвели, то какое.

— Ясно, — еще раз зевнул Алёша. — Эх, булыжник, страшаешь ты, а не страшно. И толку с тебя — как с козла молока. Ладно, бедак с тобой, спи дальше...

— А я не хочу, — почти всхлипнул камень и зачастил, спеша выговориться. — Плохое снится, а если хорошее, еще хуже! Дороги эти дурные и скучные. Люди не ездят, не ходят, а если ходят, так я всё просыпаю. Очнусь, а они ушли уже, и хоть бы заговорил кто! Ты за сколько лет первый. Ну и что, что злой да глупый, зато слушаешь! Чародея, чтобы в другое место перенес, мне не дожидаться, так и буду здесь маяться, пока во сыру землю не уйду. А хуже всего знать про других, а про себя не помнить, а ведь было оно, свое-то... Эх... Да что уж там! Год за годом одно и то же. Зимой сугробы давят, летом проклятый плющ подняться не дает — никакой радости, лишь тоска да печаль.

Буланый всхрапнул, и Алёша потрепал расчувствовавшегося приятеля по гриве. Да, он тоже сочувствовал несчастному булыжнику, но такова уж их доля. Впрочем...

Охотник неторопливо вытащил из переметной сумы суконные рукавицы, надел, спешился и подошел к словно бы насупившемуся страдальцу.

— Чего это ты? — забеспокоился валун. — Что задумал? А...

В ответ китежанин вытащил нож и живо пообрубал стебли зловредного плюща, после чего одним махом сорвал плотный ковер из жгучих листьев, освобождая и не помышлявший о таком подарке камень.

Тот полыхнул падучей, сулящей счастье звездой и взлетел. Невысоко, на локоть — надо думать, отвык, ничего, теперь оживет! Он и ожил. Вновь сверкнул, на сей раз маково-алым и выдохнул. Выдох этот был долгий и сладкий, как у счастливого человека. Человека... Наставник как-то обмолвился о том, откуда на Руси взялись говорящие дорожные камни... хотя, может, оно всё и выдумки, ведь толком о тех временах никто ничего не знает.

Досадуя на собственное мягкосердечие и досужие, не подобающие Охотнику мысли, Алёша живо сунул нож за пояс, снял рукавицы и буркнул:

— Ты по кругу-то оборачивайся почаще, а то опять обрастешь.

Запрыгнуть в седло было куда проще, чем решить, куда всё же ехать. По уму выходило направо, к холму, но пророчества о левой дороге звучали достаточно зловеще, чтобы искать рогатое чудище именно там.

Алёша тронул ногой коня.

— Поехали, Буланко, — велел он, и жеребец сам повернул налево. — Прощай, морда каменная, увечных ящериц не приваживай только. Не к добру оно.

— Погоди, богатырь! — почти завопил освобожденный. — Ты куда путь держишь-то?

Алёша натянул поводья и с удивлением воззрился на разволнованный булыжник, что привольно вращался над землей. Прежде дорожные камни так складно с ним не разговаривали.

— Мне надо в Закурганье. После Мысь-реки съехал с большака, думал, срежу по тропке, да заплутал малость.

— Правой дорогой езжай, — уверенно сказал валун. — Деревня та неблизко, ну да ты верховой, к вечеру на месте будешь. Главное, не сворачивай никуда, а как доберешься до пустыря — увидишь старый колодец — от него тебе налево. Через версту-другую поля пойдут, — а там, глядишь, и Закурганье твое.

— Что ж, спасибо тебе, бел-горюч камушек. Услужил так услужил!

Буланый тоже как мог поблагодарил: ногой топнул и, махнув черной гривой, как знаменем, свернул на указанную дорогу.

— Тебе спасибо, добрый молодец, — донес ветер. — Здравь будь, беды не знай...

В ответ раздалось очередное фырканье, впрочем, довольно-таки равнодушное.

Богатырские кони не просто понимают хозяев, они их чувствуют, а Буланко с Алёшей и вовсе были два сапога пара. Оба надурили по молодой запальчивой глупости, оба потом полной мерой хлебнули лиха, обоих занесло в Китеж. Своенравному вспылчивому

Охотнику определили другого жеребца, осторожного да опытного, а Буланко отдали, смешно сказать, архивариусу, что в седло спасибо если раз в год заберется... только судьба по-своему раскудила, и хорошо.

— Жалко мне его, засоню, стало, — признался Алёша, — вроде и сам виноват, что пакость эту босоркину распустил, а всё равно жалко.

Короткий всхрап означал, что Буланко полностью согласен с хозяином. Эти плющи нужно было содрать, и хорошо, что Алёша сам догадался, а нет бы, богатырский конь показал мерзкой ползучке, как путевые камни оплетать!

— Вот-вот, — поддержал беседу хозяин, — а теперь, Буланыш, прибавь-ка. Нам не только змея трехглавого искать, а и брата встречать. Говорят, новости у него важные, нельзя с ними тянуть.

Жеребец мог бы напомнить, что ловлю чудища вперед хоть и важного, но всего лишь разговора хозяин поставил сам, но не напомнил, поскольку и сам ценил дело ратное много выше голецкого. Буланко еще разок для удовольствия встряхнул гривой и перешел в легкий веселый галоп. Он мог так скакать долго, много дольше обычных лошадей, и они скакали, пока уже в полях не догнали запряженную гнедухой телегу, за которой трусил белоногий жеребенок. Богатырский конь, не дожидаясь понуканий, обогнал путников, развернулся и встал, загородив дорогу, Алёша же откинул капюшон и слегка развел руками, показывая, что не причинит добрым людям зла.

Правивший кобылой крепкий дядька средних лет натянул вожжи, недоверчиво разглядывая непонятного чужака. И то сказать, голубые глаза при темных, пусть и не по-южному, волосах встретишь нечасто, а тут еще и одежка странная, и волосы коротко острижены, и бороды нет, а лишь щетина дорожная. Крестьянин пялился, Охотник ждал, сдерживая крепнувшее раздражение; наконец сидевший рядом с возницей благообразный пузан, на которого Алёша и не глядел, снял суконную шапку.

— Здрав будь, добрый человек, — пропищал он неожиданно высоким голосом. — Доброго тебе пути, куда б ты ни ехал.

— И вам здравия, люди добрые, — как мог мягко откликнулся Охотник — Вы, часом, не из Закурганья будете? А то дело там у меня.

— Дело? — оживился пузан. — Да ну? Это ж откель ты такой деловой?

— Не нукай, — таки сорвался не терпевший расспросов Алёша, — не запряг! Прямо отвечай. Из Закурганья или нет?

— Ну оттель. — Не нукать добрый человек, похоже, не мог. — На мельницу ездили, вертаемся вот.

— А коли так, правда ль, что объявилось у вас чудище трехголовое? По лесам разгуливает, страх наводит?

— Чудище, говоришь? — быстро переспросил возница и покосился на пузана.

Тот ободряюще кивнул:

— Еще как объявилось! — подтвердил он и взглядом указал на попутчика. — Еремей вон давеча своими глазами видал, чуть заикой не сделался.

— Точно, точно! — приосанился оказавшийся Еремеем возница. — Вот этими вот глазами! Как есть трехглавец и огнем пыхает. Здоровенный, что твой стожище.

— Головы, часом, не змеиные?

— Как есть змеиные! И с петушьими гребнями.

— А говорили, с рогами, — нахмурился Алёша. — Выходит, ввали?

— Обижает! Одна с рогами, что у твоего барана, а две другие змейские, с гребнями, — пояснил возница и, поймав взгляд Охотника, торопливо добавил: — И с зубов смола горячая каплет.

Змеев Алёша встречал и даже дрался с ними возле Сорочинских гор. Говорили про гадов и в Китеже, причем часто и много: как-никак одни из главных врагов, но чтоб на одном теле да разные головы — о таком Алёша не слышал ни от наставников, ни от других Охотников. Конечно, Белосветье чудесами полнится, мало ли на что иномирное нарвешься, да вот рассказчики... При всей своей молодости повидать китежанин успел немало и в людях разбираться наловчился. Возница врал, причем нагло. Алёша тронул коленом коня, заставляя подойти вплотную к телеге, и ласково осведомился:

ОХОТА НА ОХОТНИКА

— А не брешешь ли ты часом, Еремеюшка?

— Да чтоб мне провалиться! — заволновался тот. — Говорю же...

— Помолчи-ка! — внезапно прикрикнул пузан. — А с чего это, мил-человек, мы тебе все обсказывать должны? Что ты нас допрашиваешь? Может, ты лиходея какой или, того хуже, с чудищем этим дружбу водишь?

Ответить Алёша не успел — заржал Буланко. Хорошо так заржал, от души. И ногой топнул.

— Коня не смешите, — хмыкнул Охотник, отбрасывая в сторону полу плаща. — Будь я лиходея, с вами, олухами, лясы б не точил.

Презрительное фырканье уточнило, что обоим олухам настал бы немедленный конец, только вруны пялились не на коня, а на показавшийся из-под распашня меч.

— Видал? — хриплым шепотом осведомился Еремей. — Знак-то на ножнах? Лунница рогатая? Не к доброу то!

— Дурень! — огрызнулся подрастерявшийся пузан. — Китежанский то знак, его абы кто не носит! Ты уж прости, мил-человек, что не признали. Ваши-то здесь почитай и не ездют.

— Тихо у вас больно было, — объяснил, пряча усмешку, Алёша и позволил коню отступить, — вот и не ездили.

— Боярин, — вдруг сунулся вперед любопытный Еремей, — дозволь спросить, а правда, что в Китеже вашем мечи из падучих звезд куют?

— Правда, — не стал вдаваться в самому не до конца ясные подробности Алёша. — А теперь отвечайте по совести: видал Еремей кого или все брехня?

— Видал, — затараторил Еремеев приятель, говорливостью напомнив давешний валун, — как же не видать-то, но свезло, живой вернулся, а сколько по округе сгинуло-то, мать честна! У нас тут беда на беде! На погостах пакостят, псы воют, молоко киснет...

— И давно у вас такое?

— С весны! Мы уж со старостой в Шумгород к посаднику ездили, так он нас на смех поднял. Чем, говорит, дурью маяться,

возьмите вилы да караульте ночами вокруг деревни. Увидите кого, вот тогда и приходите, вот тогда поговорим.

— То есть, — догадался начинавший уставать от дурацкого разговора Охотник, — про трехглавца вы наврали, чтоб посадник зашевелился. Что ж, ваша взяла, отписал он в Великоград самому Князю, а тот меня направил. И что теперь делать будем?

— Ох ёж тебе ерша кажи! — прошептал Еремей, едва не выронив от волнения вожжи. — От самого от Великого Князя!

— От самого, — подтвердил Алёша. — Заварили вы кашу, пора расхлебывать, только чур без вранья!

Прятели очередной раз переглянулись и, не сговариваясь, кивнули.

— Чего теперь-то лукавить, — расплылся в улыбке пузан, — коль сам Князь нам помощь прислал? А Еремей страхолюдину видел, токмо трошки не такую! Без огня и башка одна.

Громко и радостно заржал застоявшийся Буланко. Есть, есть чудище! Выходит, не зря они с хозяином в эту глухомань забрались!

— Тихо, Буланьш, — велел Алёша. — Ну давай, говори про свою страхолюдину.

— Рогатое оно, — послушно начал малость отдышавшийся возница, — и рогов много. Здоровущий, что твой бугай... Как зыркнул на меня из кустов... так я и бежать, чтоб, значит, народ упредить.

— Всяк же знает, — поспешил на помощь пузан, — себя не береги, родню спасай от беды...

— Помолчи! — одернул трепло Охотник. — А ты толком отвечай. Что, впрямь многогогий и с быка ростом?

— Не. — Возница нахмурился и поскреб затылок. — Бык все ж поболее будет, а этот... Слез бы ты с коня, я б, может, и поточней сказал.

— Изволь. — Желание огреть дуралея китежанин как-то подавил, а ведь лет десять назад врун уже валялся бы в канаве с вырванной рукой. — Смотри.

— Ох, ну и вымахал же ты, боярин! — восхитился неугомонный пузан. — Прямо богатырь! А когда верхом и не скажешь.

— Вот и не говори! — прикрикнул Алёша. — Ну что, Еремей? С меня твой страхолюд или не дорос?

ОХОТА НА ОХОТНИКА

— Перерос, — твердо сказал Еремей, так твердо, что китежанин поверил. — На голову, не меньше. Не, на полторы!

— Уже что-то! А ты, часом, не лешего повстречал? Или переворотня?

— Обижаешь, боярин, — вновь вступился за приятеля пузан. — Чтобы Еремей, да лешего не признал!

— Лешаки разные личины примерять могут.

— Не, не леший то был, — набычился закурганец, — точно говорю. И пришлый он, а то б мы тут знали.

— А еще погосты, — напомнил пузан, — не будут лешаки покойничков хитить, на что им?

— Ну, смотрите! Рогатым еще может быть бедак, тогда по росту выходит бирюком. Эти рябые твари и крупнее бывают. Дальше давай.

Дальше выяснилось, что загадочный рогач таки ходит на задних ногах. Копыт у него вроде бы нет, по крайней мере на лапах, а вот шерсть имеется, косматая и, как ни странно, светлая. Когтей остолбеневший от страха мужик не разглядел, но смутно помнил рубаху и порты, а под ракитовым кустом, из-за которого и вылезла нечисть, вроде бы валялись какие-то торбы. Еще Еремей заметил брошенный на траву веночек, из чего заключил, что гад подстерег у реки какую-то девку, да та, видать, сбежать успела.

— А что сами девки говорят?

Девки не говорили ничего, вернее, в один голос и, судя по мордам рассказчиков, с толикой сожаления, утверждали, что никакие гады у реки за ними не гонялись. Зато чудище видели старостиха с кумой, когда по ягоды ходили. Сперва думали, медведь в кустах ворочается, оказалось — оно. Напасть, правда, не напало, но страху нагнало. Кроме Еремея и ягодиц уroda встретили еще двое. Вернувшихся. Что видели пятеро сгинувших этим летом закурганцев, не знал никто.

— То есть, — перебил Алёша, — сгинуло пятеро?

— Это у нас... По ближним деревням еще с дюжину наберется.

— А по дальним?

По дальним тоже пропадали, но сколько и кто — в Закурганье не ведали, своих бед хватало.

— Дети пропадали или взрослые?

— У нас — все взрослые, мужики, — «обрадовал» Еремей, — да и у соседей вроде тоже... Мил-человек, может, мы того, поедем, да и ты с нами? Чего на дороге на ночь глядя торчать?

— Ночлега с собой не возят, ночлег положен каждому. А у меня изба большая, — похвастался пузан, — места хватит, а уж яблочки уродились. Чистый мед!

— Угу, — поддержал приятеля Еремей. — Лучше Антоновых яблочек не найдешь. Накормим, напоим, спать уложим, а утречком и решишь, куда дальше.

— Утречком, говоришь? — Охотник задумчиво глянул на склоняющееся к лесу солнце.

Еремея с Антоном он, похоже, выжал досуха, а на баб-ягодниц надежды было мало, да и без них ясно: Князя потревожили не зря, какая-то тварь тут точно завелась. Если б не масть, Алёша поставил бы на бирюка, но про белых бедаков он еще не слыхивал, да и вело себя чудище неправильно. Бирюки в норах прячутся, наружу редко вылезают, охотятся все больше на детей, а тут...

— Лады, дальше я с вами, — решил Алёша. — Баня-то у вас путная есть? Лучше такая, чтоб наособицу стояла.

— Э-э... Ты уж нас прости, мил-человек, только куда нашей кобыле да до твоего жеребца. Хорошо, если в сумерках доберемся, поздно для бани-то.

— Вам, может, и поздно, — Алёша придержал Буланко, позволяя теперь уже попутчикам тронуться с места, — а мне в самый раз.

* * *

Только пьяный, безумец или совсем уж отчаянный смельчак рискнет заглянуть после полуночи в баню и тем паче там заночевать. Смелостью Алёшу Белобог и впрямь не обидел, но на сей раз дело было отнюдь не в удастье. Того, что удалось вытрясти из крестьян, не хватало не только для каких-то действий, но и для принятия решения. Оставалось потрясти местных нечистиков, которые могли знать, что творится в округе. Ничего по-настоящему страшного на шумгородчине прежде не случалось, иначе б

посадник, прознав про здешние безобразия, не смеялся: дураков Великий Князь на такие места не ставил.

По-хорошему Алёше следовало, расспросив сельчан, отправиться на встречу с куда более опытным братом: и поручение бы исполнил, и совета бы спросил, но этого-то молодому Охотнику и не хотелось. Непонятный белый бирюк являл собой загадку, разгадать которую нужно было самому. Разгадать и доложить Князю, что дело сделано, а затем и китежскому Предстоятелю о невиданном прежде чуде отписать.

Алёша втащил свои нехитрые пожитки в предбанник, затем обиходил коня и долго стоял у тына, грызя в самом деле медовые закурганские яблочки и глядя на гаснущую над лесом розоватую полосу. Вечерело, со стороны деревни тянуло дымком, а на небо медленно взбирался тоненький белый месяц. Лениво, ничего не опасаясь, лаляли собаки, и лай этот сливался с дальней девичей песней. В такие вечера легко мечтается, а бывое словно укутывает прозрачная дымка; так и стоишь между прошлым и будущим, смотришь то на звезды, то в наползающий из низин туман и ни о чем не жалеешь.

— Лады. — Китежанин заставил себя оторвать ладони от еще теплого дерева и обернулся к Буланко, чьи ноги уже обнимали туманные змейки. — Если что, сам знаешь...

В ответ верный друг мотнул гривой и топнул ногой, мол, реши, так иди, а я и посторожу, и халупу эту, если что, разнесу.

Охотник трепанул храбреца по крутой лоснящейся шее и распахнул низенькую дверь. Предбанник был тих и пуст, зато сама баня встретила настоженной тьмой, жаркой и полной шорохов. Если б не китежская вязь¹, впору было б споткнуться о словно выросшую на пути шайку с кипятком, но зачарованные знаки на теле среди всего прочего позволяют иным Охотникам

¹ Китежская (китежанская) вязь — волшебные татуировки, секрет которых известен лишь в Китеж-граде. Наносятся на тело Охотников, главным образом на спину, плечи и грудь, защищают от простых враждебных заклятий, а также способствуют обострению чувств, прежде всего зрения и слуха, и предупреждают о творящейся поблизости чужеродной волшбе. В сочетании с кровью Первых людей позволяют видеть в темноте, как в сумерках, и облегчают общение с нечистиками.

видеть ночью не хуже кошек. Алёша никуда не налетел и ни за что не зацепился, а, войдя в еще не выстывшую, почерневшую от копоти парилку, встал в трех шагах от высокого порога, вслушиваясь в недовольное шуршание под самым потолком.

«Нет злее банника», — говорят знающие люди, а на тех, что за околицей живут, еще и управы не найти, хотя что считать управой? Вокруг шуршало, стучало и потрескивало, но Охотник стоял на месте, словно позволяя себя разглядеть, а когда стало малость потише, вытащил заранее заготовленную густо посоленную ржаную краюху и протянул на раскрытой ладони вперед. Так опытные конники задабривают строгих лошадей.

— Банник-батюшка, — голос Охотника звучал спокойно и слегка вкрадчиво, — не побрезгуй гостинчиком. Нес, торопился, чтоб не зачерствел.

Зашипело, точно кто на раскаленные камни водицы плеснул. Запахло распаренным березовым листом.

— Соль добрая, — спокойно продолжал китежанин, — с самого моря Хвалунского. Да и хлебушек неплох, с чистым сердцем замешен, в чистой печи выпечен. Не побрезгуй.

На сей раз не только зашипело, но и треснуло. Надо думать, лопнул перегретый камень, а к духу березовому прибавился мятный.

— Не побрезгуй, — повторил Алёша, вглядываясь в только что пустой полоч, на котором теперь шевелилось нечто мохнатое и темное. Ровно пес влез, только какой пес в закрытой бане? — Здрав будь, хозяин. — Охотник, все так же протягивая хлеб, шагнул вперед. — Добра тебе да тепла.

— И тебе, богатырь, того же. — Мохнатая рука с острыми нечеловеческими когтями ловко ухватила подношение. — Уважил. Вот поем сейчас — и мойся, сколько душеньке твоей угодно. И сам не трону, и от лихих гостей постерегу. Да и парку поддам.

— Благодарствую, — поклонился китежанин, украдкой разглядывая покрытого шерстью старичка, узкоплечего и длиннобородого. — А дозвожь наперед тебя спросить.

— Спрашивай. — Банник милостиво кивнул украшенной двумя небольшими рожками головой. — Люблю вежество, и хлеб добрый люблю.

— Про гостей твоих узнать хочу. Не говорили лесные жители про чудище, что объявилось по весне в ваших краях? Не лешак и не переверотень, но голова рогатая, а сам мохнатый да белый. Ходит как человек, только роста богатырского, выше меня.

— Нет. — Хозяин бани решительно махнул головой, так решительно, что один из запутавшихся в бороде березовых листков отлетел и пристал к руке гостя. — О чудище не говорили.

— А о чем, — вцепился в невольный намек Охотник, — о чем говорили?

— Дурное место больше не пусто, — словно выдавил из себя хроможитель¹, и его широко расставленные глаза тревожно блеснули в темноте. — Боровлад, леший Старошумский, говорит, во все смрадно стало. Оно и раньше скверно было, березь-то худова так просто в рост не идет, но хоть дышать получалось.

— А теперь нет?

Старошумье, значит... Большой лес, тянется на восток аж до самого Шумгорода, а на западе упирается в Топырь-реку. Там и до зимы проплутать можно.

— Теперь трудно. — Банник покончил с краюхой и принялся аккуратно собирать немногочисленные крошки. Ладони у него были несоразмерно большие, ровно дитя взрослые рукавицы надело. — За две сотни шагов до стен все лесожители млеют.

— А что за стены-то?

Оказалось, старое городище. Такое старое, что жили в нем, похоже, еще в Смутные времена. Сам банник дальше своей бани не хаживал, но его лесной приятель немало наговорил об одинокой, чудом уцелевшей башне, огромных, намертво сросшихся друг с другом глыбах и глубоких норах. И об удалцах, что прежде нет-нет да и совались в развалины. Одни выбирались, другие исчезали навсегда, лешему до них особого дела не было, разве что любопытство играло, но теперь люди о дурном месте позабыли. Выросла там березь, отравила округу душиной волшебной, прохожие от городища стали шарахаться, а с чего — сами не ведали.

¹ Хроможители (другое название — хороможители, доможилы) — общее название домашних духов.

Развалины же так и стояли, окруженные подступившей почти вплотную чащей, однако в этом году лес отшатнулся. Птицы и те туда больше не залетают, зато березь прямо в небо лезет, из лесу видно, как она над стенами поднимается. Круглый год желтая и шумит без ветра, что твоя осина. Лесовик местный сильно беспокоится, но в дурное место ему хода нет, а без помощи березь не изведешь. Нет, не изведешь...

— Понятно, — пробормотал Алёша, хотя на самом деле ясно было лишь то, что скоро он все это увидит. — А бирюков там или худов не водилось?

— Может, и были, березь ведь не сама по себе завелась, только Боровлад не говорил ничего такого. Старошумье все больше люди тревожат, деревья рубят, птиц да зверье изводят, но с краю, в самую сердцевицу не лезут. Ну так и на том спасибо...

— Проехать в то дурное место можно?

— Можно, только нельзя, — оскалился банник, зубы у него были не хуже когтей. — Нечего там добрым людям делать!

— А добрые люди что-то пропадать начали. Хочешь не хочешь, пора злым за дело браться. Таким, как я. Может, и не в развалинах дело, но проверить их надо. Не говорил твой Боровлад, в какой они стороне? Уж больно неохота мне к путевому камню возвращаться. Он-то подскажет, да день потеряю.

А ведь булыжник и впрямь подскажет! Когда путевые камни ставили, дурное место было уже пусто, но еще памятно.

— Есть дорога, — явно нехотя признал банник, то ли разбирая свою бороду, то ли путая. Раз дернул, другой, и нет его, пустой полук. — Да я не знаю. Знал бы — сказал, все одно ведь поедешь, Охотник китежский.

— Поеду, — подтвердил в говорящую пустоту Алёша. — Посплю, пока конь пасется, да в седло. Спасибо тебе, батюшка. Хлеб у меня в переметных сумках еще есть, занесу сейчас. Не побрезгуй.

— А попариться? — вдруг почти всхлипнуло из-за каменки. — Напоследок?

— И то, — кивнул Алёша, развязывая ворот рубахи. «Нет злее банника», да нет его и добрее.

К путевому камню Алёша не поехал, уж больно возвращаться не любил, да и надежда на китежскую вязь была немалая: бирюка не бирюка, а худову березь наколки почуют, главное — подобраться к ней хотя бы на версту.

Подобрались, пусть и не сразу. Сперва долго ехали краем леса, затем свернули на заросшую тропу, по всему ведущую в самую глухомань, и тут Буланко, извернувшись, легонько прихватил задумавшегося хозяина за сапог. Прodelывал он это нечасто и всегда по делу.

— Ну, — шепотом откликнулся Охотник, — что такое?

В ответ конь стал как вкопанный, прижав уши и вытянув шею в сторону лесного ручья с топкими, синими от незабудок бережками.

— Пить хочешь?

«Сам пей!» — пронеслось в мозгу обиженное. — *Вода ржавая, да не в ней дело!»*

— Ну, давай поглядим.

Буланко мотнул головой и осторожно, ровно охотничий пес, двинулся вниз по склону сквозь небывало пышную таволгу. Пахла она одуряюще, но чего-то словно бы не хватало. Ощущение было странным и тревожным, так что когда возле самой воды Алёша приметил след развоенного копыта, ему стало легче.

— Спасибо, Буданыш-следопыт, — от души поблагодарил он гривастого соратника. — Похоже, наш страхолуд водички испить решил. А и здоров, худище! Копыто сохотому впору!

Уже почти заполненный ржавой мутной водой след и впрямь был огромен, но Алёшу это не испугало. Ну, чудище, ну, великан рогатый, для удалца, сменившего богатырский плащ на распашень Охотника, — противник не из самых страшных. Тут, главное, отыскать.

С худами сам Алёша дела пока не имел, но в Китеже разбираться в нечисти учили на совесть. Рогатые худы были зловредны, пакостны и разномастны, однако великанов среди них числилось немного. Ярон, говорят, здоровенный, но не пристало столь важ-

ной птице в одиночку по чужим лесам разгуливать, так что здесь прошел либо триюда, либо копитар, они в последнее время то и дело с Лысой горы слезают, по русским землям шастают. Те же текри еще недавно в диковинку были, а теперь в ватаги сбиваются и то лесных жителей примучат, то хутор сожгут. Уроды поганые...

Алёша завертел головой в надежде обнаружить другие следы и таки заприметил пару по ту сторону ручья. Напившийся страхолюд явно перебрался на другой берег и, проломившись сквозь заросли ракитника, исчез в чаще.

— Значит, — решил Алёша, — и нам туда.

Буланко не возражал. Ручей они перешли без приключений. Козлоногий, судя по успевшим привяты обломанным веткам, опережал их не меньше чем на несколько часов, но солнце стояло высоко, а конный пешего всяко догонит. Если с пути не собьется. Китежанин привстал в стременах, разглядывая заросшую уже почти распрямившимся папоротником прогалину, переходящую в довольно-таки широкую тропу, которую сторожил обросший грибами пень. На всякий случай Алёша сосредоточился на своих ощущениях: зачарованные наколки знать о себе не давали, не было и того тревожного чувства, что пробуждается у хотя бы раз побывавших на краю гибели богатырей... а даже возникни оно, не бросать же след!

Охотник легонько тронул коленом конский бок, и Буланко, шумно принюхиваясь, послушно двинулся непонятной тропой. У сторожевого пня их и накрыло. Обоих. Не боявшийся ни волчьего воя, ни посвиста стрел жеребец замотал головой и попятился, а у Алёши под рубашкой по спине и груди будто жгучие муравьи забегали: ожила китежанская вязь.

— Нашли! — выдохнул Охотник. — Завеса!.. Буланьщ, об этой волшбе банник и говорил.

Ответом стало яростное фырканье и словно бы проступившие на тропе лужи навозной жижи, полуразложившиеся, кишашие червями туши и кучи черной, гнилой, распозавшейся на глазах репы.

— Понял, — остановил поток конских ощущений Алёша. — Понимаю, душно тебе, но ехать, мой хороший, надо. Вперед.

Буданко мотнул гривой и злобно хрюкнул — выругался, но кони богатырские свой долг не хуже самих богатырей понимают. Надо так надо, хозяин, поехали!

Первые полсотни шагов Алёша только и делал, что успокаивал взмокшего на ровном месте жеребца, потом Буданко притерпелся и стало легче, удалось оглядеться.

Вокруг тянулся лес, на первый взгляд совершенно обычный. Стоящие вперемешку деревья, густой ровный подлесок и вымахающие чуть ли не по конское брюхо папоротники с хвощами, отчего-то не посягавшие на тропу. Второй загадкой была мертвая тишина: не перекликались пичуги, не барабанил в сухой ствол дятел, не зудело комарье.

— Кукушка-кукушка, — тихонько попросил Алёша, — накукуй Охотнику, сколько дорог впереди лежит?

Кукушка ожидаемо промолчала, зато вздохнул, переступив с ноги на ногу, Буданко.

«Может, повернем да брата прихватим?»

Это было разумно, только поворачивать Алёша не умел, хотя не раз и не два, угодив в переделку, клялся впредь поступать по-умному. Ему почти всегда везло, беду так или иначе удавалось одолеть, и зарок забывался до очередной напасти.

— Поехали, — решил удалец и все же добавил: — Небыстро.

Конь вновь почти по-человечьи вздохнул и зашагал по утоптанной, будто стадо каждый день гоняли, сухой земле. Вокруг ничего не изменилось, «мураши» и те, сделав свое дело, успокоились, но Алёша теперь знал, на что смотреть — и смотрел. За волшебной завесой лес был чист и опрятен, как готовый к похоронам покойник: ни кабаньих да оленьих троп, ни прогрызенных гусеницами листьев, ни птичьего помета, ни слизи на шляпках переросших грибов, ни муравьиных куч. Все, что могло летать, ходить или хотя бы ползать, убралось, остались деревья с кустарниками да травы, которым не нужны ни пчелы, ни мотыльки. То, что такие гиблые пятна в лесах порой случаются, Алёша, само собой, слышал, но этим его знания и ограничивались.

— Выберемся, — вслух пообещал он, — месяц из Архива не вылезу, про поганые места читать буду. Два месяца!

«Повернуть?»

— Нет.

Перешли еще один ручей, на берегу которого отыскался уже знакомый след, миновали белую от поганок поляну и уперлись в мертвый березняк. Стройные стволы с тонкими, так и не распустившимися по весне веточками словно в ужасе жались друг к другу. Охотник заставил себя тронуть кору, она была прохладной и упругой.

— Что ж вы так, сестренки-то?

«Вернемся?»

— Сказано же, нет!

Они редко ссорились, именно ссорились, хотя норов то и дело выказывали оба. На сей раз жеребец не взбрыкивал и не делал вида, что хочет разнести, а всадник не обзывал коня волчьей сытью и травяным мешком и не сулил продать, бросить, прогнать, сменять на шапку... но к лежащей на сердце грусти добавились обида и стыд. Такие занозы хочется выдрать с мясом и забыть. Навсегда и любой ценой... Забыть?

— Буланьш, потому нам в селе никто об этой дряни и не сказал! Понимаешь? О таком молчат, даже если помнят. И поссориться тут легче легкого, оно и есть, дурное место! Эдакая пакость, хуже любой волшбы...

«Хуже. Впереди камень».

— Путевой?

«Старый. Грязный. Много. Ты не отступишь, я знаю».

Лес кончился как-то сразу, и перед путниками раскинулся сплошь затянутый жгучим босоркиным плющом луг — точно блестящую змееву шкуру наземь швырнули. Впереди же черным изломанным гребнем возвышалась некогда могучая, а нынче частично осыпавшаяся, а частично и вовсе рухнувшая стена. По-прежнему чистая тропа вела к ней, а точнее к пролому, за которым виднелась одинокая, явно не крепостная башня. Стройная, легкая, с каким-то чудом сохранившимися зубцами, окружавшими смотровую площадку, а вот обещанной березы было не разглядеть. То ли леший врал, и была она не столь уж и высока, то ли башня загораживала, ну и ладно, не за тем ехали!

Плющ, как прежде папоротники, на тропу не посягал, но следов на сухой и плотной, что твой камень, земле не имелось. Охотник придержал коня и взглянул на солнце. Часа три для осмотра развалин у него имелось. Или час, если проявить мудрость и до темноты вернуться в обычный лес.

«Мураши» под рубашкой забегали вновь, но то, что впереди Древнеместо, причем загаженное, было ясно и без них. Странные развалины, хранящие память первых времен и Первых людей, в землях русских — не редкость, и сколько их, в точности неизвестно даже китежским мудрецам. Сами по себе эти руины не добро и не зло, хоть и становятся порой пристанищем жадной до дармовой силы нечисти. В этих, судя по всему, поселился если не бирюк, то худ. Белый.

— Надо смотреть.

«Шлем надень».

— Сам так думаю.

В пролом Алёша въехал во всеоружии, но чудище вылезать и давать бой не торопилось. Камнями со стен тоже никто не швырялся, и китежанин без помех оценил как могучую кладку, так и начертанные на вмурованных в нее плитах руны, частично стершиеся, но хранящие отблески былой волшбы. Внутри царил все тот же босоркин плющ, то ли выживший все другие растения, то ли, напротив, торивший дорогу более брезгливым собратьям. Впрочем, на древнюю мостовую зеленый удалец не выползал, предпочитая жаться к стенам, которые отнюдь не были темными, просто за века их покрыло что-то вроде прудовой ряски, только не зеленой, а черной с отливом, будто камень-крававик. Мостовая, в отличие от стен, осталась чистой, и на ней отчетливо проступали словно бы застывшие тени. Их могли бы отбрасывать мечущиеся в смертельном ужасе люди, но внутренность крепости была пуста. Лишь оплетенные зеленью груды блестяще-темного камня, соединенные белыми дорожками, и высокое чистое небо. Не страшно и даже не тошно — грустно.

Мелькнула какая-то тень. В самом деле мелькнула или почудилась?

— Видел?

«Нет. Не было ничего».

Охотник спешился и слегка ослабил подпругу. Буланко коротко навалился плечом на хозяина — попрощался — и отступил. Если будет нужно, он примчится на помощь. Или, повинувшись приказу, поскачет прочь, чего не хотелось бы, тем более что подмоги не найти, одни они на много верст.

— Жди, — велел Алёша и, бесшумно ступая по истоптанным временем плитам, быстро пошел вдоль обрушенных палат. Даже теперь, рухнувшие и утонувшие в жгучей зелени, они впечатляли, заставляя жалеть о павшем величии. Кто их строил и для кого, какие пиры в них гремели, что за песни звучали? Уже не узнать. Все отгремело, отблестало, отвосхищало, имена и те забылись, остались лишь руины, в которых свила гнездо неведомая рогатая нечисть. Ничего, выловим!

— Ах ты ж!

Нет, перед ним был не белый страхолюд. Завернувший за угол Охотник оказался на пустой и чистой площади, посреди которой торчал здоровенный каменный обрубок, словно караулящий почти полностью уцелевшее здание — сложенное из светлых, украшенных причудливым орнаментом глыб и опоясанное легкой галереей оно все еще было прекрасно. Было бы, не вцепись в рухнувшую башню, родную сестру второй, уцелевшей, чудовищная березь.

Высоченная, выше любой сосны, она дрожала и кривлялась в вечном осеннем ознобе. Охотник видел аксамитово-черный, украшенный снежными росчерками ствол и слышал шум золотистой листвы. Ветра не было, даже самого завялящего, но черная береза сухо, по-змеиному шелестела, нашептывая что-то тоскливо-извращенное, безнадежное в своей зависти к зелени, цветению, жизни.

Встречать эту погань вживую Алёше еще не доводилось, но слышал он о худовой березе достаточно, и рассказы эти были не из приятных.

— Шуми-шуми, — буркнул Охотник, заставляя себя отвернуться от завораживающего зрелища. — Не на такого напала!

Березь хотела, чтоб он стоял, Алёша пошел. Быстро, почти побежал, обходя древнее здание. И чуть не наступил на полуоб-

глоданную человеческую кость. Ну хоть что-то понятное и знакомое в этом поганом месте! Настороженно оглянувшись, Охотник присел на корточки и внимательно осмотрел находку.

Совсем недавно это было ногой, судя по размерам, мужской: сказать точнее было нельзя, ни кожи, ни остатков одежды людоед не оставил. Следы зубов наводили на некоторые мысли, но им требовалось подтверждение, и Алёша принялся обшаривать примыкающую к зданию полоску земли, сухую и бесплодную: здесь не выживал даже босоркин плющ. Зато у ведущей вниз, в подвалы, лестницы обнаружилась вторая кость, а за совсем еще маленькую, в локоть, но уже дрожащую березь зацепился клочок светлых людских волос.

Опа, приехали. Искал одно чудище, а нашел другое. Поменьше... да попротивнее!

Алёша не спеша потянулся, разминая мышцы; часть загадки была разгадана, но разоренными погостами местные беды не исчерпывались. Пропадали не только покойники, по окрестным лесам бродил белый худ, и следы его тоже вели сюда. Китежанин поморщился и вновь оглядел на первый взгляд заброшенные палаты. Он всегда любил рисковать и зачастую делал это зря, но именно сейчас риска не было: солнце стояло высоко, его лучи не только заливали площадь, но и тянули золотые горячие руки в подвал. А раз так...

Осторожно подойти поближе, оглядеться, убедиться, что подземный коридор цел, ни провалов, ни трещин. Светло, сухо, тихо, «мураши» и те уже не жалят, а едва покалывают, напоминая о себе и о том, что место здесь непростое. Еще немного — и все успокоится. И правильно, не слабоумный же он, понимает, куда собрался!

Положив ладонь на рукоять меча, Алёша шагнул в проем и ступил на уцелевшую лестницу, пологую и широкую. Шаг, другой, десятый, двадцатый... Прямой, пронизанный солнечным светом ход выводит в затхлое помещение, большое, но заваленное битым камнем и рухнувшими сверху балками. Особая, не перепутаетшь, вонь подтверждает давешнюю догадку. Впереди слышатся шорохи, по ногам начинает тянуть холодом. Значит, внизу нора,

значит, сейчас объявятся. Любопытно, сколько их? Все, кто стигнул в здешних краях с конца весны? Больше? Меньше?

А вот и первая тень липнет к стене, подальше от света. И еще одна... Два шага вперед. Встать. Сосчитать до десяти. Два шага вперед. Пожалуй, хватит.

— Ну, вылезайте, трупоеды, давайте знакомиться!

Вылезли, вернее полезли. Сгорбленные, большеголовые, худющие — пятнистая и бледная, как на жабьем брюхе, кожа да кости — твари были более мерзки, чем страшны, но Алёша ждал именно их. Так «обрабатывать» трупы могут лишь гули, которых некоторые чародеи еще называют упирами. Оставалось выяснить, какие именно завелись здесь — бестолковые дикие или куда более опасные гули-рабы. Охотник спокойно отшагнул назад, разглядывая спешащих к нему падальщиков.

Прежде они были людьми, очень может быть, что хорошими, но чуждая омерзительная волшба отняла у бедолаг не только душу и лица, но саму способность ходить на двух ногах. Гули передвигались на четвереньках, умудряясь при этом еще и горбиться. Распрямившись, они бы оказались ростом с человека, но казались меньше, напоминая сразу пауков, летучих мышей и бешеных псов, только с оскаленных желтых клыков капала не слюна, а яд.

— Ну что, красавчики, — осведомился Алёша, отходя еще на один шаг, — скажете, кто вас сюда привел, или самому искать?

«Красавчики» хотели жрать, а не разговоры разговаривать. Издавая хриплое шипенье, они лезли вперед, пусть и не так шустро, как прежде. Похоже, все-таки дикие.

— Чьи вы? — бросил Охотник в облизывающиеся морды. — Хозяин ваш где?

Опередивший прочих крупный гуль ослабил, показав покрытые ядовитым налетом зубы, и издал очередное шипенье. Говорить он, похоже, не мог.

— Ну-ну, — кивнул китежанин и медленно потянул из ножен меч.

Замерев на месте, упыри таращились на добычу красными насытыми глазами, но не более того. Голод, настоящий голод,

ОХОТА НА ОХОТНИКА

вынудил бы их позабыть страх, только гады совсем недавно жрали мертвечину. Самый бойкий, которого, соображай гули получше, можно было б назвать вожаком, не то фыркнул, не то чихнул и чуть попятился. Остановился и Алёша.

— У, бестолочи ушастые! — прикрикнул он, рывком окончательно обнажая клинок. — Вот я вас!

Этого хватило: отвратительные твари шарахнулись назад, показав успешные проступить под кожей черепов гребни. Кем бы они ни были в прошлой жизни, обратили их не позднее чем в конце весны, понять бы еще кто, зачем и здесь ли он.

Единственный след вел в развалины, но стинуть в темных незнакомых коридорах мог и Охотник поопытней Алёши. Куда разумней было выманить нечисть на площадь, однако днем наружу упир не полезет даже с великого голода. Китежанин поморщился и все так же вперед спиной, не сводя взгляда с отползающей нежити, двинулся назад, к солнечному пятну. Первая встреча закончилась ничем, дело было за второй.

— До ночи, уроды, — хмыкнул Охотник, с наслаждением подставляя лицо солнцу. — Увидимся.

* * *

Шутик Пыря не обнаружил незваного гостя ни на площади, ни дальше, но гули не ошибались: богатырь в Укрытие и впрямь заезжал, да убрался. Пыря мало что не обнюхал истоптанное чужаком место, но нашел лишь россыпь конских яблок да следы меченных страшным китежанским знаком подков.

Шутик покачал остроконечной головой и задумчиво почесал между рогами. Лишний раз связываться с временным господином, которого Пыря за глаза величал то хозяйчиком, то Фуфырой¹, не хотелось, но скрывать такое событие было рискованно. Пришлый китежанин видел, самое малое, гулей и теперь наверняка отправился за подмогой. Ничего хорошего в этом не было.

¹ Фуфыра — привередливый, чванливый.

Создателю и истинному господину Пыри, батюшке Огнегору, требовались воины, а не досужие драки, кроме того, шутик не шибко верил в силы Фуфыры. Засевший в башне капризник-белоручка — опир, может, он и управится с одним толковым Охотником или парой поплоше — но и только. Спросят же, случись что, с надзорника. Пыря любовно погладил шипастый наруч, дающий ему власть над младшей нечистью Укрытия. Ради власти шутик был готов терпеть даже хозяйчика. Мало того, каждое успешно выполненное поручение приближало его заветную мечту — стать надзорником при самом милостивце Огнегоре.

Если к Осеннему солнцевороту хозяйчик доставит в Громовые Палаты не меньше сотни ратников, на шапке Пыри появится огненная опушка, и он сравняется со своими главными соперниками, только это когда еще будет, а докладывать надо сейчас. Шутик еще немного покрутился по пропитанной враждебным запахом площади и перебрался на галерею — следить за двором и заодно думать.

Решение выждать оказалось правильным, потому как на закате богатырь вернулся, и он по-прежнему был один! Это было подозрительно, и Пыря, ворча на отсутствие толковых помощников, сперва полез на стену оглядеться, а потом подкрался к роющемуся во вьюках глупцу. Похоже, тот и впрямь собирался совершать подвиги, а отъезжал, чтоб напоить коня.

Шутик презрительно выпятил и без того огромную губу и отправился с докладом, бурча на фуфырины привычки, из-за которых то днем не спишь, то по лестницам козлом скачешь. Солнца и высоты Пыря не боялся, но предпочитал подвалы, по возможности пыльные и сухие. Таких в Укрытии хватало, однако хозяйчик облюбовал единственную уцелевшую башню, где обычно и сидел, на закате и вовсе взбираясь на самый верх.

* * *

Ему нравилось смотреть, как медленно меркнет свет, и мечтать о будущем величии. Еще он любил старинные книги и свое лицо, всё еще прекрасное. Договор с великой Тьмой подарил младшему

из трех внуков царя-колдуна многое, но платить приходится за все, и платить дорого. Немного утешало, что, останься Вещор Красный человеком, его бы рано или поздно настигла старость, а с ней морщины, седина и выпавшие зубы. Последнее царевичу-опиру теперь уж точно не грозило, но обязательная руна на лбу и растущие уши удручали, и Вещор скрывал их под роскошными длинными волосами. Пока это удавалось.

Опир уже привычно тронул рукой украшенную одинокой серьгой мочку уха и поправил золотистую прядь. Ему хотелось отринуть прошлое, а оно не желало уходить, упорно напоминая о себе то голосом деда, заявлявшего матери, что от смазливового дурня толка ждать не приходится, то презрительным взглядом самой матери, то насмешками братьев.

Ну да, он предпочитал мечу книги и брезговал уродами и глупцами. Родня почитала это слабостью, только ум всегда победит тупую силу, а волшебство — это ум, решительность и умение ждать. Молча. Дед с матерью и старшим внуком, так ничего и не поняв, отправились воевать в Иномирье, отдав царский венец второму наследнику, который с глумливой ухмылкой обещал пригладеть за младшеньким и не оставить братца Вещора без кукол, бус и зеркальца.

Если бы царевич мог, он бы в тот миг убил их всех, но это было невозможно, и он стерпел. Вещор читал, ласкал льнуших к нему без счета женщин и ждал чего-то неведомого и прекрасного, что навеки изменит его жизнь. И дождался — однажды ночью ему явилась сама Тьма. Это стало концом красавца-книжечя и началом будущего бесконечного величия, которое стоило уплаченной цены. По крайней мере, Вещор на это очень надеялся.

В час заката он испытывал смутное томление и почти верил, что Тьма, уродуя своих избранников, их испытывает. Что, вступив в полную силу, он не только вернет красоту и любовный пыл, но и станет возлюбленным самой госпожи, которая предстанет перед ним во всем своем блеске. Рука об руку они пронесутся кровавым вихрем по ненавистному Белосветью и пойдут дальше и выше. К вершине Карколиста, Мирового Древа. Швыряя к ногам вен-

ценосной возлюбленной царство за царством, он будет обретать все большее могущество, и когда-нибудь они сравняются — Тьма и величайший из опиров, Вещор Красный.

Это были прекрасные мечты, и то, что их прервали, повергло царевича в ярость, которую он, однако, сумел сдержать: навязанный ему шутник был более или менее толков и господина беспокоил лишь по необходимости. Не будь надзорника, с тупыми вонючими упырями пришлось бы возиться самому, Вещор же предпочитал приказы Огнегоровым рабам передавать через служку. Новых гулей и выловленных по окрестным лесам стриг царевич-опир сразу же отправлял в подвалы, после чего возвращался к своим размышлениям и мечтам.

— Ты меня потревожил, — холодно укорил шутика Вещор. — Я слушаю, но будь краток.

— В Укрытии бойгатырь, — доложил своим мерзким голосом Пыря и замолчал, бурявая господина желтыми глазенками.

— Подробней.

— Он бойгатырь и китейжанский Ойхотник. Он ойдин, но у нейго сийный и звой конь. Он спускайся в пойдвавы и вийдей диких уйпиров. Ойни прийняйи его за дойбычу, но пойтом ийспугайись. Ойни удрайи. Бойше он нийкого не вийдей. Он ухойдий и вернуйся. Он хойчет дожидаться нойчи и вийманить уйпиров найружу. Он не знает, чтой здесь не тойко ойни. Он вообще знает маво.

— Отлично — Новость была столь хороша, что Вещор позволил себе улыбнуться. — Он в самом деле богатырь? Ты уверен?

— Он не пойхож, но всей же бойгатырь, господин. Он ойчень сийный и без труйда спрайвится с парой дюйжин уйпиров.

— Но не со мной. Что ж, устроим охоту на Охотника. По-тешимся. Из богатыря выйдет отличный укладок. Мне надоело создавать упиров.

— Да, господин. Хозяин буйдет довоен.

— Главное, доволен буду я. И потрудись объяснить внизу, что гость мне нужен целым и живым. Испортят тело — спрошу с тебя.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

Шутик кланялся, обещал, пятился назад, но Вещор уже провожал взглядом уходящее в землю солнце. Грядущая ночь обещала стать волнующей, возможно даже незабываемой. Первый созданный уколдак стоит того, чтоб удержать в памяти как можно больше. Память должна полниться лишь победами и удачами, когда-нибудь их наберется столько, что лежащие на самом дне обиды больше не смогут подниматься вверх.

* * *

С упырями Алёшу познакомили в Китеже. Будущих Охотников водили в учебные подземелья, где держали изловленную опытными ловцами нежить. Были там и дикие гули, которых Алёша под присмотром однорукого молчаливого наставника порубил десятка три. Добыча была омерзительной, но не такой уж и трудной, главное, не позволить себя укусить. То, что для обычного человека оборачивалось мучительной смертью, а то и потерей души, для Охотника было не более чем болезнью, неприятной, но не слишком долгой.

Другое дело, что болеть Алёша не собирался, потому в подвалы и не полез. В народе не зря говорят: «Нечистое найдет дорогу, поганое само вон выйдет», вот пусть нечисть и выбирается наружу сама, причем туда, куда нужно.

Еще днем китежанин приметил подходящие для боя места: первое — каменная груда напротив галереи, и еще два внизу: на входе в загаженный зал и возле самого выхода, где просто замечательно отбиваться от лезущих из подземелий врагов. Всего-то пара упавших друг на друга каменных плит, а со спины не зайти и сверху не запрыгнуть. Если ж вовсе тяжко придется, оттуда можно отойти на площадь, а там и Буланьш подсобит, ему лишь в радость будет.

Сколько тварей придется покрошить в капусту ему самому, Охотник толком не представлял. Своими глазами он видел десятка два, хотя за лето и весну в округе пропало с полсотни мужиков. Если предположить, что они-то и стали упырями... Многовато, но терпимо.

Куда больше китежанина заботило, только ли дикие гули прячутся в подземельях, кто и зачем их развел да пригнал к берези, и при чем ко всей этой заварухе белый худ-бедак? Новых следов его присутствия Алёша не обнаружил ни в развалинах, ни у ручья, куда вернулся, чтобы напоить коня и всё как следует обмозговать. Триюды при всей их пакостности упырей не создавали, бедаки — тем паче. О колдунах с копытами и рогами в Китеже не слышали, березь росла в здешних местах не первый год, но особого вреда от нее вроде не было. Люди, сами не ведая с чего, обходили городище десятой дорогой, а лесные жители отгородились босоркиным плющом и как-то терпели поганое соседство, пока этой весной не началось худ знает что.

Худ, кстати, в самом деле знал всё это наверняка, но не подсказывать, ни хотя бы показываться не спешил, оставалось разобратся самому. То есть перебить гулей, убедиться, что больше наружу никто не лезет, и убраться в живой лес дожидаться полудня. Когда солнце в зените, ночная нечисть даже в подземельях теряет прыть; самое время пойти проверить, не засел ли под березью кто-то поважней трупоедов. Если нет, расплодившего гулей колдун придется искать по всей округе, мало ли какой «богатый гость» или «бойрин» мог обосноваться на Шумгородчине, чтобы «встретить старость». И в Китеж весть послать нужно, уж слишком много странностей набралось.

«Свистнешь, — напомнил о себе Буланьш, — подсоблю».

Алёша, уже снявший с коня все вьюки и переметные сумы, спокойно надел короткую кольчугу.

— Свистну, — заверил он, сворачивая ненужный в бою распашень. — Ты по сторонам-то поглядывай.

«Нечистью смердит. Была здесь. Не упырь, мелкое».

— Тогда еще и понюхивай. — Алёша вытащил завалявшееся закурганское яблочко и протянул коню, но тот фыркнул и отвернулся. Отпускать хозяина Буланьш не хотел, но и спорить не пытался, знал, раз решил — уйдет. Охотник, куда денешься!

Алёша усмехнулся ненароком «подслушанным» лошадиным мыслям, сунул яблоко вслед за распашнем в торбу и потянулся, разгоняя кровь. Быстро затянув ремешки на выданных в Китеже

наручах, он поправил раструбы, убедившись, что защита сидит ладно. Надетый под кольчугой длиннополый полукафтан движенья не стеснял, правда и грел не особо, а ночь все отчетливей намекала на заморозок. Или это развалины с березью стремительно выпивали дневное тепло? Ничего, будет сподручней клинком махать, не запаришься.

Лук в ночной резне без надобности, и китежанин оставил его в саадаке. Не стал трогать и большую торбу с кирасой и наплечниками — в бою наверняка придется вертеться, а плясать с эдакой тяжестью неподручно. Немного поколебавшись, Алёша поднял и закрепил стрелку шлема, чтобы хотя бы немного улучшить обзор, а вот отстегивать бармицу¹ не стал — шею от упырей лучше побережь.

Затем настал черед меча, кинжала и метательных ножей — их богатырь осмотрел с особым пристрастием и остался доволен. Хуже было со щитом, который в схватке с тупой толпой очень полезен. Алёша дорого бы дал за свой прежний, сдуру отданный в княжий арсенал вместе с прочей богатырской снастью. Да, Охотники и богатыри рознились, как гончие и волкодавы, но зачем отказываться от прежних умений, если можно их приспособить к новому делу? Наставник так не в меру ретивому ученику и сказал, посоветовав при случае потери возместить. Совет был хорош, а бывший богатырь — привередлив, вот и не успел сыскать того, что нужно, пришлось спехом прихватить самый обычный кругляш. Может, и неплохой, ну так и Еремеева гнедуха неплоха. Пока с Буланьшем не сравнишь.

Что ж, сборы закончены. Пихнув выюки в присмотренную заранее нишу в стене, Алёша, чуть крякнув, завалил ее подходящим обломком, а потом, укрывая тайник, еще и передвинул выющиеся рядом стебли босоркиного плюща.

— Все, Буланьш. — Алёша со смешком закинул горемычный щит за спину, оставляя левую руку свободной. — Сторожи, а я пошел.

¹ Бармица — кольчужный элемент шлема, обрамляющий его по нижнему краю. Бармицы могут быть разных видов.

«Свистни. Прибегу, подсоблю, потопчу».

— Лады. Надо будет — свистну, а пока стой. Жди, стой, сторожи. Ясно?

Ответное фырканье было откровенно недовольным, но хозяин уже не ответил. Алёша шел быстро и при этом осторожно, мягкие охотничьи сапоги неслышно ступали по древним плитам, изредка брякало железо, но китежанина это не заботило, напротив. Пусть знают и приходят, хотя нечисть идет не столько на звук, сколько на живое тепло. Холодно ей, всегда холодно, особенно упырям. Нажраться они еще могут, а вот согреться — никогда.

Уже знакомый поворот, и вот она, березь, шумит, старается и в придачу светит не хуже полной луны. Только свет не белый и даже не зеленый, как у болотных гнилушек, а гнойно-желтый, мертвый и мерзкий донельзя. Как и вкрадчивый шорох вечно осенней листвы, лгущей о том, что ничего нет и не будет. Весна невозможна, радость невысказанна, ничего не исправишь, никого не спасешь, нечего и пытаться...

— Заткнись, — походя прикрикнул Охотник, — брехло шумливое!

Березь, само собой, не затихла, но в ноющем шуме словно бы что-то шелкнуло. Нечисть, которую не почуял Буланко, или то остывают нагретые за день камни?

Черные стены на фоне неба казались слизнувшей звезды тенью, почти истаявший месяц совсем не давал света. Без китежанской вязи и поганой берези в такую ночь пришлось бы солоно.

Первое из облюбленных для боя мест Алёша миновал не оглядываясь. Площадь была тиха и пустынна, оставалось подойти к самому логовищу, и китежанин подошел. Снизу отчетливо тянуло тленем и чем-то еще более гнусным: гули явно болтались поблизости. Охотник поправил грудную перевязь с рядом металлических ножей. Проверил — выходят хорошо, но вязко, значит, в бою не выпадут; а теперь на мгновение прикрыть глаза и сосредоточиться. Наколки на груди греют чуть сильнее. Что ж, всё верно: позади камни, которые не обойти, наверху только небо, а с тем, что будет спереди, он управится.

— Ну что, ушастые, заждались? — окликнул Алёша, становясь у примеченного засветло каменного щита и перебрасывая на руку щит деревянный. — Я вот заждался, аж мочи нет!

Твари объявились тотчас, как тут были! Заскрежетало, в лицо плеснуло затхлым холодом, и из провала, посверкивая красноватыми зенками, повалила нечисть. То ли в самом деле заждалась и оголодала, то ли ночь силы придала. Охотник видел сторбленные, ковыляющие по-жабьи и при этом шустрые тени, да и вонь усилилась, пусть это и казалось невозможным. В нос шибало, хоть чесноком затыкай.

Сколько упырей таили в себе здешние норы, знали разве что березь с белым худом, но наружу вылезло десятка два. Больше перед обломками, на которых пристроился богатырь, просто не умещалось. Что-то скрипнуло, к запаху гулей примешался горько-сладкий аромат, будто из книги посыпались сухие ядовитые цветы, и Алёша не удержался, чихнул.

— Далеко тебя от Китежа занесло, богатырь, — внезапно заговорил кто-то наверху. — Здоровья не желаю, оно тебе уже не нужно.

— Да ну? — Алёша поднял голову и, не выдержал, присвистнул: на выступе над самыми головами упырей успела воздвигнуться странная фигура в скрепленной словно бы мерцающим углем мантии и с притороченной к поясу книгой, тоже посверкивающей.

Чернокнижник! А точнее, судя по бледной даже в свете безрези коже, красной наколке на лбу и лезущим сквозь длинные ухоженные патлы ушам — чернокнижник-опир. Так вот кто гулям хозяин! Ну и славно, незачем теперь в развалины соваться.

— Ты невежлив, Охотник, — ровным голосом сообщил патлатый. — Но это пройдет, как проходит все, кроме смерти, а я — твоя смерть, китежанин, твоя смерть и твое посмертие.

Опиры — противники серьезные, с ними держи ухо востро... но чем страшнее нечисть, тем веселее Охотнику.

— Хвастать не косить: спина не болит, — сама выскочила из памяти призабытая было меряновская присказка, — а не отведав добра молодца, нечего хулить его.

— Смотри и думай. — Чернокнижник словно бы стал малость повыше, камень себе под ноги подложил, что ли? — Моих рабов не счесть, а ты — один как перст!

Подобных бахвалов Алёша не любил. Пожав плечами, он неторопливо обвел взглядом чего-то ждущих гулей и, ухмыльнувшись, бросил:

— Твоя правда, урод меченый. Развелось вас тут, плюнуть некуда.

* * *

Вещор по праву гордился своей выдержкой, но нахальный богатырь ударил по больному, и опир сам не понял, как крикнул:

— Взять его!

Собой царевич-колдун овладел быстро, но Охотник за это время успел одним махом снести голову прыгнувшему на него гулю. Дважды мертвое тело рухнуло под ноги замершим перед броском упырям, и те отшатнулись — поняли, что сородичу конец. Трусость давала о себе знать и в присутствии господина, это было вторым унижением, а Вещор еще не спросил за первое. «Урод меченый...» Он ненавидел изуродовавшую его лоб руну, но Тьма неумолима. Она метит своих избранных, и не китежанскому дикарю над этим смеяться!

— Взять моего нового раба, — повторный приказ был в должной мере презрителен и равнодушен, а хлестанувшей гулей волшебной плети смертный видеть не мог, да и не до того ему стало.

Ужас перед господином перебил страх перед Охотником, и нечисть бросилась в бой. На открытом месте богатырь вряд ли бы отбил даже первую волну, но вставшего на обломках китежанина оставалось брать лишь в лоб, и было это непросто. Вещор с вновь закипающей злостью следил, как негодай орудует своим мечом, вроде и неторопливо... но вот располовиненный гуль валится на своего безголового предшественника, следующий остается без руки, еще один подпрыгивает в надежде стянуть богатыря вниз, к себе... Свист клинка, отшатнувшееся тело. Голова на месте, только морды больше нет. Сбоку, пользуясь тем, что враг занят,

подбираются сразу трое упырей, широкий мах щита, и сбитые с ног недотепы отлетают на вновь оробевших сородичей.

— Ну как, ушастые? — смеется со своих камней китежанин. — Взяти?

Гули мнутя, медлят, ну и ничтожные же создания! Насмешник ждет, невольно позволяя разглядеть свой меч, довольно-таки причудливый — со скошенным острием и рукоятью, напоминающей символ защиты души. Подобных царевич-опир не видел ни у деда, ни в Громовых Палатах. Что ж, китежанский трофей будет неплохо смотреться на стене будущего дворца, настоящего, величественного, не чета Огнегоровым норам... но передышке конец. Из лаза копной темноты неторопливо выплывает дородный стрига. Занятый парой вертких гулей богатырь новой угрозы не замечает, сейчас щупальца обхватят, спеленают ноги, и дело сделано.

— Живым, — холодно напоминает Вещор.

Он хочет увидеть страх в этих дерзких глазах, и он увидит! Уже совсем скоро. Щупальца стриги стремительны. Так нападают змеи южных земель, свиваются в кольцо и бросаются вперед. От них увернется разве что прыгучая степная рысь, но не человек. Щупальца рвутся к добыче и... врезаются в ловко подставленный щит! Стрига не отступает и тут же атакует вновь, со всей силы, догадавшись избрать своей целью окованные железом доски. До Вещора доносятся грохот и треск — доски не выдержали — всё, богатырь без защиты!

Обломки летят в морду подвернувшемуся гулю, и недотепа остается без глаза. Не беда, главное, стрига может бить без помех, и щупальца устремляются вперед, но их перечеркивает светлая полоса. Отсеченные от тела безголовые змеи, еще пытаясь извиваться, валятся к сапогам Охотника, а лишившийся «рук» стрига в растерянности замирает. Новый взмах меча — разрубленная надвое туша рушится вниз и лопается, растекаясь слизью, а китежанин продолжает орудовать своим клинком. И издеваться.

— Ну и клопов же ты наплодил... Уродище... Задохнуться можно...

Он без устали крутит и вертит мечом, будто окружив себя вторым, поблескивающим полупрозрачным щитом, и понукаемые Вещором гули падают вокруг дерзкого Охотника... Очередной упир, с уже хорошо заметным гребнем — кто-то из самых первых — отшатывается, половины черепа как не бывало.

— Эй, чернокнижник! Сам-то ты где? Не удрал еще?

Четверо гулей, мелко тряся ушастыми головами, пятятся назад. Они больше не хотят, они боятся... Ничего, пойдут!

— Меч взять не хочешь, морда меченая? — орет на все Укрытие подлец, рубя тянущиеся к нему руки. — Или не обучен? Зря... Оно полезно... А порой и... весело...

Все повторялось. Ночь колыхалась мертвой зыбью, упыри лезли вперед и гибли. Возле камней, на которых дрался китежанин, росла гора падали, но сам Охотник все еще был неуязвим. Для нежити.

Опир опустил глаза, творя заклятие, однако битва все равно отвлекала, не давая сосредоточиться на плетении чар, даже самых простых, вроде плети для упиров. Чернокнижники потому так и зовутся, что творить сильную волшебку без книги им трудно, а Вещор к тому же был в ярости. То, что сперва казалось немислимой удачей, все отчетливей оборачивалось провалом, который не простят ни сморчок Огнегор, ни владычица Тьма. Потерять две дюжины гулей и стригу, да еще накануне выступления! Такое не скроешь, единственный выход — привести вместо них угодлака, пусть и с попорченной шкурой, и уже неважно как!

А к стати, как? Раскрыть книгу и отвлечься, оставив упырей без присмотра? Чтобы Охотник, расшвыряв разом утратившую пыл нежить, захватил врасплох в самый разгар заклятия? Сколько опытных чародеев погибло, не завершив своей последней волшебки! Нет, так рисковать он не готов. Что ж, обстоятельства оказались сильнее намерений.

Царевич-опир с ненавистью глянул на фигуру с мечом и прошипел:

— Убейте его!

Бой длился и длился, а упыри никак не заканчивались. Сосчитать навалившуюся на него нечисть у Алёши не выходило, но он точно положил больше, чем видел днем. Дикие гули вели себя как и положено тупым тварям: клацая зубами, лезли под меч, но как же их было много! А ведь обычно опир довольствуется от силы десятком гулей-рабов, а диких и вовсе при себе не держит, не говоря уж про стриг.

— Слушай, урод, а зачем тебе столько? Жрешь ты их, что ли?

Урод безмолвствовал, может, колдовал? Впрочем, забот лишившемуся щита китежанину хватало и без него. Теперь Алёше приходилось больше изворачиваться и еще быстрее работать мечом, держа тварей на расстоянии. Зато высвободилась левая рука, чем богатырь не преминул воспользоваться. Один из гулей, подобравшись слева, прыгнул чуть выше остальных, и Алёша, не раздумывая, со всей силы саданул кулаком снизу вверх по оскаленной морде, попав прямо под подбородок. Раздался хруст костей и треск разрываемой кожи, башка твари отлетела назад, закувыркалась, брызгая тухлой мертвой кровью, а безголовое тело рухнуло под ноги не столь бойким гадам. Те уже привычно отшатнулись, так что Охотник успел бросить взгляд на возвышение, где укрывался опир, и никого не увидел. Эх, жаль, не дошло вогнуть уроду меж глаз метательный нож, пока он токовал! Сейчас уже поздно... Не достать, да и гули пошли вразнос.

Китежанин чувствовал, как покрывавшая его тело вязь словно бы остывала, а под ногами начинало хлюпать, да и оскаленные морды все чаще возникали возле самых сапог. Похоже, он своим мечом сооружает тварям лестницу. Ничего, отобьемся и колдунчика приголубим. Ну не сотня же их здесь, в конце концов! Даже вместе с краденными на погостах покойниками должно выйти меньше.

«Идут, — предупреждает далекий Буланко. — Чую... Змею чую».

Этого еще не хватало! Мало ему упырей с чернокнижником, так еще и змеевичи! А потом что? Триюда припожалует? Белый такой, цвета тумана...

«Заберу? Тебя заберу?»

— Нет, — произносят губы, и приказ обретает силу заклятия. — Карауль!

Два удара крест-накрест, две гнусные разрубленные башки. Хорошее место он выбрал, просто отличное! Чтобы колошматить лезущих из подвала гулей, лучше не придумаешь. Вот только змеи будут заходить с площади, окажешься меж молотом и наковальней, да и этот паскудник на своем насесте... Еще швырнет чем. Похоже, надо отходить и продолжать отбиваться, а там поглядим. Чернокнижник что-то подозрительно притих. В печаль такая гнусь без осинового кола в сердце не впадет, значит, колдует. Может, тех же змеевичей на помощь кличет... так что пора!

Заклятие было простым, коротким и надежным: до сложных чар Алёша пока не дорос, но особые сложности сейчас и не требовались. Разбуженный меч разгорался, словно клинок ловил лучи полуденного, ставшего вдруг переливчатым солнца, ловил и отбрасывал в оскаленные морды. Вошедшие было в раж упыри шарахнулись назад, будто налетев на невидимую стену. В залившем развалины сиянии что-то дергалось, металось, мельтешило... Щупальца! Еще один стрига — пытается прикрыть зенки змеями-«руками».

Переливчатый свет сдержит любую нечисть, жаль, гореть ему недолго. Скоро неистовое сияние померкнет, но отпущенных мгновений Алёше хватило за глаза. Черета быстрых ударов, прыжок, нога едва не срывается, но удержаться все же удается. Созданная рухнувшими в незапамятные времена камнями чудовищная «лестница» выводит на пустую площадь.

Ни змей тебе, ни худов, только вновь обнаглевшие гули прут по пятам да мертво светит треклятая березь, а Звездный огонь... Нет, до конца он не иссяк, а словно бы перетек в ровное ясное свечение, будто клинок раскалился добела. Врагов меч уже не ослеплял, зато сам сделался крепче и гибче булата, недаром ковался он из осколков упавшей звезды. Через четверть часа клинок станет прежним, но четверть часа и богатырская кровь способны на чудо, были бы враги... а уж их-то хватало!

Гады больше не боялись, и теперь им было где развернуться. Груда крупных устойчивых камней посреди площади на поверку оказалась сразу и хороша и плоха. Хороша, потому что Буланьш, если придется туго, прорвется сюда без труда; плоха, поскольку отбиваться придется сразу во все стороны. Гулей к себе лучше не подпускать, а стриг тем паче.

Приближающиеся твари сверху казались еще ниже и еще уродливей. Подползали враскоряку, огромными, разучившимися прыгать жабами, а за ними неторопливо и величественно, сверкая золотом волос, выступал чародей с раскрытой книгой в руках. Спустился-таки и собрался творить свою поганую волшбу! Впрочем, чернокнижник хоть бы и с книгой всяко слабей истинного мастера-колдуна. Куда хуже, что поганец появился в окружении скрюченных жилистых фигур в броне — гулей-рабов, а это скверно. Особенно если твари еще и должным образом обучены.

Диких упырей тоже всё прибывало и прибывало, они что, всю площадь заполнить надумали? Гаже смерти не придумаешь, гаже и гаупее, бедак бы побрал эту молодецкую удадь! А ведь учили в Китеже, учили... только богатырские замашки так просто не избыть. Вперед на врага — это по-нашему, по-великоградски! А то, что врагов этих и впрямь не счесть...

Справа от чародея что-то блеснуло. Будто заиндевевший стог ожил или, того верней, груда железа. Стриги сегодня уже были, но этот красовался в кованой броне, а такую с ходу не разрубить. Эх, как неудачно со щитом получилось, а вот нечего было хватать первый, что под руку попался!..

Свистнула стрела — мимо. Вторую Алёша ловко, по наитию, отбил мечом, благо в Китеже этому трюку долго обучали. Становилось вовсе весело, как бы только от такого веселья не захмелеть!

Оттяпать очередную башку, отскочить, обернуться. Два гуля-раба возле чернокнижника держат короткие луки. Стрелки паршивые, сразу видно, но и дурная стрела дорогу порой находит.

«Пора? — почти кричит Буланко. — Мне пора?!»

— Жди!

Ну да, не все продумал... Надо было раньше головой работать, в самом деле надо, но что сделано, то сделано. Сейчас думать некогда, сейчас в ход идет богатырская неутомимость, воинская прыть да тренированное тело Охотника. Удрать он еще успеет, а сдохнуть тем более, только этого не будет! Уж больно место гнусное, а патлатый этот и того гаже. От рук такого хлыща-недоучки помирать? Ну уж нет!

* * *

Китежанин больше не зубоскалил — утомился, но Вещора это почти не радовало. Слишком много потерь, слишком мало времени, и еще Пыря крутится под ногами... Да, шутик пригнал на подмогу Огнегоровых рабов — лучников и ловцов, да, проследил, чтоб на троих лучших стриг надели броню. Да, караулит, пока господин роется в книге в поисках заклития, но что верткий надзорник донесет Огнегору и что мерзкий сморчок доложит Тьме? Последняя и единственная возможность оправдаться — уколлак, но и эту заслугу могут отобрать.

— Он бойгатырь, — не замедлил напомнить о себе Пыря. — Он не устает. Он вредит. Найдо ойстановить.

— Я знаю, что мне делать. И отправь этих бездельников в бой.

— Усех?

— Трое могут остаться.

Огнегоровы рабы подсобят стриге занять китежанина, пока готовится волшба, а здесь от них проку мало.

Вот она, нужная страница, неспешно наливаясь багровыми буквами. Всё почти готово, еще несколько мгновений — и на китежанина обрушится смертельное заклятие, сильнейшее из тех, что есть в книге. Охотник-богатырь не почувствует смерти, он умрет в бою и очнется покорным, хоть и могучим рабом. Его минуют последний ужас и отчаяние, которыми в иных обстоятельствах можно было бы насладиться, но здесь и сейчас лучше не рисковать. Это не последний Охотник и не последний богатырь на Руси! Впереди у Вещора множество побед, их ничто не омрачит и никто не отберет, теперь же надо действовать разумно и наверняка.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

— Отойди, — взгляд и слово Вещора, обращенные к Пыре были надменны. — Ты мешаешь.

— Он... Он ойпасен.

— Отойди.

Чары готовы, а богатырь, хоть и посек половину огнегорых недоумков, именно сейчас очень удачно занят стригой. Защищенная доспехами туша неожиданно быстро крутится вокруг Охотника, заставляя того отплясывать какой-то безумный танец. Когда мысли заняты боем, от чар не отбиться, даже если знать, как, но не китежскому бродяге отразить лучшее заклятие царевича-опира. Багровая мерцающая дымка стекает с на мгновение ставшей пустой и гладкой страницы и роем мошкары стремительно несется к богатырю. Один вдох — и все будет кончено. Победа без торжества — это полпобеды, но другого выхода нет. Впрочем, немного радости получить всё же можно. Если уловить последний толчок чужого сердца.

Вещор Красный подался вперед, ловя и запоминая каждое движение своего врага, как раз отсекшего у стриги одно из щупалец и удачно развернувшегося к подоспевшей наконец гибели. Багряный рой достиг лица богатыря и, как и следовало, угас, впитав в себя жизнь... но китежанин не упал и даже не покачнулся.

Что такое? Вещор невольно потряс головой, не понимая, почему богатырь всё еще жив. Такого просто не могло быть!

Охотник же, не прекращая боя, глядел на Вещора. Нет, куда-то выше, и он был если и не напуган, то поражен.

Обернуться царевич-опир не успел, только почувствовал чудовищный по силе толчок и увидел выходящее из своей собственной груди грязное острие...

* * *

Проклятые гули вовсе с цепи сорвались, но богатырская кровь есть богатырская кровь, Алёша и не думал уставать. Только внезапно ожила китежская вязь, предупреждая о волшбе, да в глазах

полыхнуло багряным... Правда, только раз — и сразу прошло. Ощущение было не из приятных, и Алёша его хорошо, даже слишком хорошо знал. Оставив хоть и одоспешенного, но всё-таки уязвимого стригу без шупальца, а слишком шустрого гуля — без башки, Охотник развернулся к главному врагу, за плечом которого внезапно поднялась огромная тень, рогатая и... светлая!

Ни оценить подоспевшую к поганцу подмогу, ни тем более сообразить, что делать, Алёша не успел. Непонятный рогач размахнулся, и... нанизанный на гигантский кол опир, выронив свою черную книгу, рухнул на колени. Громко и гнусно взвыли гули-рабы, чуть в стороне от колдуна вновь полыхнуло, на сей раз грязно-рыжим, и тут же сбоку, из-за разрушенной арки стрелой вылетела вторая белая фигура. Вроде женская. Вроде с каким-то серпом в руках, заметить больше Охотник не успел: очухавшемуся стриге приспичило полезть в бой. Пришлось снова выплясывать, выжидая, когда удастся попасть мечом меж пластин брони. Под ноги сунулся очередной упырь, о которого очень кстати споткнулся однолапый стрига и завалился чуть в сторону, прямо под удар. Всадив меч в открывшийся наконец упыринный бок и отпрыгнув от струи вонючей слизи, китежанин взлетел на самый верх каменной груды и наконец огляделся.

Замеченные Буланко змеи так и не появились, а упыри... упыри, позабыв про Охотника, заматались, однако их замешательство длилось недолго. В Китеже учили, что дикие гули, внезапно лишившись хозяина, удирают, а гули-рабы очертя голову кидаются на убийцу. Правильно учили. Трое жилистых вертких гадов насело на непонятого рогача, будто псы — на кабана. Убийца чернокнижника неуклюже топтался среди быстрых врагов, орудуя чем-то вроде кузнечного молота. Пока ему удавалось отмахиваться, хотя с местом для драки белый худ и промахнулся: ни спину прикрыть, ни оглядеться.

Еще одна заваруха вскипела у входа в подземелье, куда ринулись дикие гули. То ли дыра оказалась слишком узкой для удиравшей толпы, то ли кто-то с кем-то сцепился. Разглядеть, что творится за спинами лезущей друг на друга нечисти, богатырь не мог, да и не его это было дело. Ну не поделили что-то бедак